

Е.И.Нарожный

О ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЯХ И СВАТИЛИЩАХ XIII-XIV ВВ. СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДОНА

История исследования культовых половецких памятников Восточной Европы хорошо известна специалистам, и здесь нет смысла подробно останавливаться на ее пересказе. В изучении данной проблематики есть немало успехов, но есть до сих пор и ряд весьма важных нерешенных проблем – уточнения верхней границы функционирования половецких святилищ и характер установления на них изваяний. Эта проблема видится актуальной хотя бы потому, что, при доминирующей оценке существования такой традиции в период XII-XIII вв., все попытки увязать заключительный этап половецкой истории с монголо-татарским нашествием порождают массу вопросов, так или иначе диктующих необходимость новых уточнений на этот счет. Этой задаче, отчасти, посвящена данная статья, в которой мы посчитали целесообразным свести воедино многие данные из давно и хорошо известных источников, совокупность которых предопределила появление нового взгляда на функционирование святилищ. Прежде всего, остановимся на вопросе об оценке исторических судеб половецкого населения на территории Северного Кавказа.

Об исторических судьбах северокавказских половцев

Проблема “Половцы на Северном Кавказе” – одна из давних в отечественном кавказоведении. Особо пристальный интерес к ней зародился уже в XIX в., когда здесь начались археологические изыскания, в том числе и в виде разрытия курганов (как это часто именовалось в литературе). Среди исследованных погребальных комплексов выделялись и половецкие. Тюркский характер происхождения этой части кочевого населения Восточной Европы уже в XIX в. вызвал к жизни попытку их сопоставления с этногенезом современных балкарцев и карачаевцев. Тенденция получила развитие в сер. XX в. В 1960 г. в г.Нальчике прошла представительная конференция, посвященная этногенезу карачаевцев и балкарцев, где поставленная в XIX в. проблема получила дальнейшее развитие (Материалы..., 1960). На ней особое внимание было приковано к сообщениям арабского автора ал-Асира о первом появлении Чингизидов на Северном Кавказе в 1222 г., т.е. за год до битвы на Калке. Средневековый автор, в частности, повествуя о продвижении Чингизидов к северу от Дербента, рас-

сказывал о многократных столкновениях на р.Терек монголов с объединенными алано-половецкими соединениями. Не сумев одержать верх над союзными силами, Чингизиды вынуждены были пуститься на хитрость: при помощи многочисленных даров и подношений им удалось уговорить половцев оставить аланов и уйти. После чего, разбив последних, Чингизиды пускаются вслед за половцами. Последующий ход описания этих событий ал-Асиром надолго предопределил подходы кавказоведов к реконструкции исторических судеб половцев Северного Кавказа. Напомним, арабский историк продолжал, что, услышав весть о начале погони Чингизидов, многие половцы, побросав все, стали искать спасения в бегстве. Многие из них укрылись в лесах и болотах, горах. Другие были разбиты. Третья же их часть ушла в сторону русских (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.25, 26), оказавшись затем на Калке среди участников античингизидской коалиции.

Эти сообщения источника, привлекавшие внимание кавказоведов еще задолго до конференции в Нальчике, на форуме 1960 г. стали основой для версии о том, что горы, леса и болота, в которых половцы укрылись, располагались в пределах горной зоны региона, где традиционно обитали предки карачаевцев и балкарцев. Укрывшись там, половцы со временем были ассимилированы, влившись в среду формирувавшихся карачаевской и балкарской народностей.

Гипотеза получила еще одно подтверждение после того, как в 1964 г. известной ставропольской исследовательницей Т.М.Минаевой была опубликована обстоятельная статья, в которой приводились свидетельства письменных источников и различные археологические материалы, документирующие присутствие половцев домонгольской поры на Ставропольской возвышенности, а также на сопредельных с нею территориях Притеречья и Средней Кубани (Минаева Т.М., 1964, с.167-196). В последующее время много усилий кавказоведов было потрачено на поиск примеров, подтверждающих процесс инфильтрации. Половецкое наследие археологического, историко-этнографического и фольклорно-лингвистического характера выявлялось, прежде всего, в зоне, где с глубокой древности обитали предки карачаевцев и балкарцев (Федоров Я.А., 1973, с.220-226; Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978, с.227-290). Несмотря на существование иных, обобщающих работ по архео-

логии и истории кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Плетнева С.А., 1958, 1974, 1981 и др.), в кавказоведении ситуация не менялась.

Новый импульс в развитии отмеченной концепции появился в 1980-е гг. Отталкиваясь от вышеотмечавшейся трактовки сообщений ал-Асира, некоторые коррективы в нее внес В.М.Батчаев, предложив горы, леса и болота локализовать на Верхней Кубани, а процесс миксации половцев с предками балкарцев и карачаевцев датировать периодом XIV-XV вв. (Батчаев В.М., 1980, с.79-95; Батчаев В.М., 1986, с.80-123; Батчаев В.М., 1997, с.60-63). Параллельно утверждалось и об активном процессе седентаризации половцев на равнине Северного Кавказа, этнокультурных их контактах с предками адыгов и пр.

Вместе с попытками решения проблемы этногенеза карачаевцев и балкарцев (при доминирующем участии в нем половецкого населения Северного Кавказа) в кавказоведении значительно активизировался и процесс расширения источниковой базы, главным образом, выразившийся в публикациях половецких изваяний и сведений о них с территории Пятигорья (Кузнецов В.А., 1980, с.69-78), Средней Кубани (Навротский Н.И., Нарожный Е.И., 1993, с.14, 15), а также всего Прикубанья (Навротский Н.И., 1996, с.157-164; Плетнева С.А., 1996, с.165, 166; Тарабанов В.А., 1991, с.91-94). Появились и сведения о раскопках половецких святилищ на территории Ставрополя (Мирошина Т.В., 1988, с.125, 126; Корневский С.Н., Андреева М.В., Ульянова Л.В., 1998), из которых опубликовано только одно (Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998, с.231-237). Вместе со святилищами с территории Подонья (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с.86, 87; Гуркин С.В., 1991, с.103-113; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.114-143) эти материалы способствовали их новому осмыслению на Северном Кавказе. В конце XX в. были выявлены новые погребальные комплексы, связываемые с половцами (Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., 1994, с.23-26; Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1996, с.154-156; Анфимов И.Н., 1996, с.13, 14). Последние наиболее активно изучаются Ю.В.Зеленским, подробно исследующим погребальные обряд и инвентарь этой группы кочевников, пытаясь разобраться в хронологии памятников и т.п. (Зеленский Ю.В., 1997; 1997а; 1998; 1998а-е; 1999; 1999а; 2000 и др.).

Не со всеми наблюдениями Ю.В.Зеленского мы согласны. Например, определенный скепсис вызывают его попытки трактовать половецкими погребальные комплексы, имеющие восточную, западную и северную ориентировку (Зеленский Ю.В., 1999). Довольно экзотично он объясняет и причины достаточно частой встречаемости предметов вооружения у половцев на Кубани (Зеленский Ю.В., 2000а, с.46). Вместе с тем, сделанный анализ письменных свидетельств позволил ему прийти к мнению, что появление половцев на Кубани произошло несколько позже XI в. (Зеленский Ю.В., 1998), что в связи с уточнениями

датировок половецких изваяний из Подонцовья (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000, с.227-244) выглядит любопытным. По крайней мере, в контексте этих уточнений может выстроиться и своеобразное хронологическое географическое направление, демонстрирующее процесс постепенного освоения половцами отмеченных территорий от Подонья до Каспийского моря. Но и эти данные не позволяют пока точно определить финальный этап пребывания половцев на Северном Кавказе. Не позволяют это делать и итоги исследований половецких святилищ и изваяний, несмотря даже на то, что в специальной литературе выстроены эволюционные ряды развития половецкой скульптуры, а интересующий нас этап связывают с началом монголо-татарского периода. Утвердившаяся точка зрения заставляет исследователей каждый раз буквально втискивать половецкие памятники во временной отрезок XII-XIII вв. Но эта же концепция и настораживает, т.к. для последующего времени (XIII-XIV вв.) она не дает убедительных объяснений по многим вопросам, в т.ч. и об исторических судьбах половцев в государственной системе Золотой Орды. И это, несмотря на то, что половцев эпизодически упоминают письменные источники вплоть до Куликовской битвы. Чтобы вновь привлечь внимание к этой проблеме, попытаемся взглянуть на некоторые половецкие предметы материальной культуры, изображенные на изваяниях, и проверить их с точки зрения датировок предметов из кочевнического быта, выявленных в погребальных комплексах. Подобная необходимость целесообразна с точки зрения того, что система датировок позднекочевнических, в целом, и половецких памятников, в частности, в известной степени устарела, так как была разработана в кон.50 – сер.60 гг. (Плетнева С.А., 1958; Федоров-Давыдов Г.А., 1966). С тех пор, если не брать во внимание специальные работы, посвященные отдельным микрорегионам Восточной Европы, хронологический фундамент больше никем не проверялся.

О параллелях предметам, изображенным на половецких изваяниях

Еще в 1974 г. С.А.Плетнева, рассматривая на изваяниях изображения колчанов, а также И.В.Малиновская, посвятившая последним специальную работу, справедливо отмечали тот факт, что реальные археологические материалы, известные к тому времени, есть и среди памятников кочевников золотоордынской эпохи (Плетнева С.А., 1974, с.30, 31; Малиновская И.В., 1974, с.132-175). И хотя это обстоятельство было подчеркнуто особо, никаких последствий (за исключением некоторых лаконичных оговорок) данная констатация за собой не повлекла. Помимо изображений колчанов на половецких изваяниях, есть и другие реалии, имеющие прямые аналогии в материалах эпохи Золотой Орды.

В качестве первого примера рассмотрим нередко встречающиеся на изваяниях изображения нагрудных блях (рис.1-3). Г.А.Федоров-Давыдов, обращая на них внимание, в качестве возможной аналогии указывал на наличие таких же блях на статуэтке из Херсонеса (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.175). А вот С.А.Плетнева, касаясь этих же предметов, заключала: "Мы не знаем ни археологических аналогий этим предметам, ни описаний их в письменных источниках" (Плетнева С.А., 1974, с.27). Вместе с тем, значительное количество таких бронзовых блях встречено при исследовании разнообразных горноингушских памятников XIII-XIV вв. (Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1984, с.123-149, рис.3-20; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989, с.15-75; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1990, с.37-39 и др.). Все они зафиксированы в погребальных комплексах, надежно датированных закавказскими хулагуидскими и золотоордынскими монетами (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1989, с.44-46). Несмотря на то, что в половецкий и золотоордынский периоды эта часть горной зоны Северо-Восточного Кавказа кочевникам не подчинялась, все инновации кочевнического круга там начинают фиксироваться как минимум с середины – 2-й пол.XIII в. (Нарожный Е.И., 1998, с.9-14). В этом смысле, появление интересующих нас аналогий бляхам, известным по половецким статуям, дает основание считать, что они – раннезолотоордынского времени.

Бронзовые бляхи – округлые, разных диаметров, в погребениях обнаруживаются по одному – двум, реже, сразу трем экземплярам. Как правило, они располагаются в верхней части грудной клетки погребенных, как это изображено и на изваяниях. Часть горноингушских блях – с орнаментом, выдавленным с оборотной стороны (рис.1, 8, 9; рис.2, 3-7), но основная масса – без него (рис.1, 2). В нескольких случаях отмечены и остатки крепления ремней (рис.3, 3), скреплявших две и три (как на изваянии из ГИМ) (Плетнева С.А., 1974, с.194, № 1288) бляхи между собой. Находки подобных предметов – реальное свидетельство того, что это не просто половецкие заимствования обитателями Горной Ингушетии, но и то, что бытовали они в золотоордынскую эпоху и на северокавказской равнине, включенной в состав Золотой Орды, где находились представители самых разнообразных этнокультурных групп кочевого мира.

Помимо бронзовых блях, обратим внимание и на прорисовки крючков, изображенных на половецких изваяниях (Плетнева С.А., 1974, с.32, рис.10, 43). На них крючки крепились к поясу, поэтому их возможное сопоставление с рыболовецкими, как это предполагала С.А.Плетнева, выглядит сомнительным. В горной зоне Ингушетии среди погребального инвентаря женских захоронений нередко встречались крючки (рис.3, 5-8), своим внешним видом почти ничем не отличавшиеся от колчаных. Но вместе с крючками таких типов встречались и крючки из

бронзы (рис.3, 5), что позволяет их сопоставлять с изображениями на изваяниях. Эти аналогии из Ингушетии также датируются XIII-XIV вв.

Среди предметов, обозначенных на половецкой скульптуре, встречаются и шейные гривны. С.А.Плетнева по этому поводу замечает: "Гривны – наиболее распространенные украшения половецких женщин... Подавляющее большинство женских статуй и даже несколько мужских изображено с гривнами" (Плетнева С.А., 1974, с.45). Археологические находки гривен в памятниках кочевников уже неоднократно становились предметом специального рассмотрения. Расценивая эти предметы как один из признаков высокого социального положения, В.Н.Шалобудов и В.Н.Яремака датируют такие предметы максимум сер.XIII в. (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987, с.128-135). Не выходящими за эту же дату оценивает гривны и Ю.В.Зеленский (Зеленский Ю.В., 1998, с.35-40). Однако находки гривен есть и в погребальных комплексах, датируемых XII-XIV вв. (Беспалый Е.И., 1998, с.109). А, если иметь в виду комплекс из окрестностей х.Нижняя Козинка на Дону, предварительно отнесенный к XIII-XIV вв. (Горбенко А.А., Коренько В.А., Максименко В.Е., 1975), то есть все основания говорить о возможности бытования гривен и после сер.XIII в. (Нарожный Е.И., 2000, с.105, 106). На возможность бытования гривен среди кочевников золотоордынской эпохи указывают и другие археологические материалы (Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990). А это еще одна возможность для того, чтобы часть половецких изваяний, имевших изображение гривен, датировать и золотоордынский отрезок времени.

Не меньший интерес вызывают и изображения зеркал на половецких изваяниях, которым в 1974 г. С.А.Плетнева не приводит аналогий, суммарно относя их к XII-XIII вв. Их классификация достаточно добротная (Плетнева С.А., 1974, с.49), особых возражений не вызывает, а вот датировка, обозначенная в пределах XII-XIII вв., видимо, нуждается в уточнениях. Так, зеркала с врезанными либо рельефными линиями, расположенными крест-накрест (рис.4, 1-10), действительно известны с домонгольского времени: на Северном Кавказе, в аланских памятниках, они обычны даже для X-XII вв. (Савенко С.Н., 1985, с.104). Но есть такие же зеркала и среди памятников XII-XIII вв. (рис.4, 3-5), а также и среди материалов золотоордынской эпохи (Кузнецов В.А., 1993, рис.124, 4). Аналогичные им образцы есть и среди погребальных памятников поздних кочевников Дона – Приазовья (рис.4, 3-10), где их датируют XIII-XIV вв. (Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.123, рис.26, 27; Ларенок В.А., 1992, с.178, рис.10, 20). Близкие, если не тождественные, зеркала встречаются и в погребальных комплексах XIII-XIV вв. кочевников Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поволжья (рис.4).

Зеркала с двумя Х-образно расположенными, пересекающимися линиями (рис.4, 2, 8, 9) также известны среди золотоордынских памятников Север-

ного Кавказа и Дона (рис.4), в том числе и в погребениях кочевников XIII-XIV вв. (Ларенок В.А., 1991, рис.32, 2). Другой тип зеркал (рис.5, 1, 4-10) с абсолютно гладким диском, без орнамента, с петлей и без нее, достаточно часто встречается среди памятников Северного Кавказа на протяжении широкого хронологического отрезка времени: X-XIV вв. (Савенко С.Н., 1985, с.102; Умаров С.Ц., 1970). Особенно много их среди пока неопубликованных раннемульманских комплексов региона, датируемых XIV в. Присутствуют такие же зеркала и среди позднекочевнических инвентаря XIII-XIV вв. Дона, Северо-Западного Причерноморья, Нижнего Поволжья и Южного Урала (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.17, рис.4, с.35, рис.11, 3; Ларенок В.А., 1992, с.178, рис.10, 17).

Подобную ситуацию можно отметить и в отношении зеркал, декорированных диаметрально расположенными линиями, проходящими через центр диска (рис.5, 2, 11-13). Такие же материалы есть среди раннесредневековых памятников Северного Кавказа, например, в одном из половецких комплексов XII-XIII вв. со Средней Кубани. Но такие же находки нам известны и из комплексов данного региона, датированных монетами XIV в. (рис.5, 13).

Зеркала с арочным и крестовидно-арочным орнаментом (рис.5, 3, 14-18) обычно своим генезисом сопоставляются с аланами Северного Кавказа (Полякова Г.Ф., 1980; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.81). Они имеют достаточно широкий диапазон бытования и географию распространения (Савенко С.Н., 1985, с.104-105; Полякова Г.Ф., 1980, с.145-146; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.81; Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.121, рис.25, 14; Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000, с.147, рис.25, 14; Добролюбовский А.О., 1988, с.112, табл. VI, 13 и др.). Подавляющее большинство их датируется периодом XIII-XIV вв.

При рассмотрении параллелей зеркалам любопытно отметить, что на половецких изваяниях они показаны крепящимися к поясу при помощи ремней (рис.4, 1, 2; рис.5, 1-3). А на некоторых рисунках зеркал с нижнего края диска косо отходит полоска (рис.4, 1, 2). Обычно в погребальных комплексах поздних кочевников зеркала фиксируются со следами кожаных мешочков либо футляров. Известен и случай, когда зеркало находилось в специальном деревянном футляре (рис.4, 10), который крепился к поясу (Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000, с.147, рис.6, 1). Есть и зеркала XIII-XIV вв., с нижнего края диска имевшие слабовыраженный выступ или даже длинную металлическую ручку (Мамонтов В.И., 1992, с.40, рис.11, 10). По всей вероятности, именно такие ручки (рис.4, 11) и следует сопоставлять с коротким выступом внизу зеркала на каменных изваяниях.

Таким образом, даже беглый обзор известных нам параллелей некоторым типам зеркал, изображенных на половецких изваяниях, показывает, что многие из них встречаются среди погребальных памятников X-XIV вв. Но вряд ли будет справедливым при

рассмотрении половецких изваяний ограничиваться подбором параллелей, датируемых только XII-XIII вв. Существование таких же зеркал и в XIII-XIV вв., на наш взгляд, должно предполагать и возможность того, что половецкие изваяния с такими аксессуарами могли изготавливаться и существовать и в золотоордынскую эпоху.

Наряду с изображением нагрудных блях, кречков, гривен, зеркал и колчанов, орнаментированных костяными накладками, на половецкой скульптуре имеются и другие изображения предметов, наносившиеся не только в половецкое, но и в золотоордынское время. Среди них – деревянные, костяные и самшитовые гребни (рис.6, 3, 4). Хорошо представленные в классификации С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1974, с.46, 49, рис.20, 16) гребни из археологических раскопок весьма близки тем, которые изображались на изваяниях (Закирова И.А., 1988) не только на территории Волжской Булгарии, а и в Саркеле-Белой Веже. Есть они среди погребальных комплексов XIV в. из Горной Ингушетии (Чакхив Д.Ю., Нарожный Е.И., 1984, рис.1, 21; Даутова Р.А. и др., 1989, рис.14, 23; Даутова Р.А. и др., 1990; и др.), встречаются гребни как одночастные, так и двухчастные. Последние, к примеру, имеют и декор в виде врезанных линий, циркульного орнамента и крестов. Реже – цветное покрытие из органических красителей. Находки гребней из Ингушетии, на что уже обращалось внимание (Ларенок В.А., 1992, с.165; Нарожный Е.И., 1996, с.13-22), достаточно близки предметам из позднекочевнических памятников XIII-XIV вв. Подонья. Помимо этих двух регионов, находки деревянных гребней характерны для позднекочевнических памятников других зон проживания кочевников эпохи Золотой Орды (рис.6, 3-5).

На половецких изваяниях иногда изображались и портняжные ножницы (рис.6, 2, 6-9). Правда, их восприятие у исследователей неоднозначное. С.А.Плетнева, например, склонна расценивать их как детали декора верхней одежды (Плетнева С.А., 1974, с.42). Однако атрибуция этих изображений, как ножниц, что справедливо полагал в свое время Г.А.Федоров-Давыдов, нам видится более реальной (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.179). Материалы из кочевнических памятников, впрочем, не только из них, но и из погребальных комплексов горной зоны Северного Кавказа, слоя золотоордынских городищ и т.п. демонстрируют то, что ножницы портняжного типа характерны для памятников эпохи раннего средневековья (Мыськов Е.П., 1993, с.78, рис.3, 14; Лугова Л.М., 1998, с.72, рис.2, 10, рис.8, 7), а также золотоордынского времени (рис.6, 6-9). Правда, от изображений на изваяниях они отличаются тем, что кольца ножниц не сомкнуты. Более схожие им ножницы, в т.ч. и с подквадратным оформлением колец, встречены (помимо изваяний) на Дону (Ларенок В.А., 1992, с.178, рис.18, 4) и в горах Северной Осетии (Марченко И.И., Тургиев Т.Б., 1980). Близкие им аналогии есть и в го-

рах, на Верхней Кубани. Другие аналогии происходят из нижневолжских городищ Золотой Орды (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.181, рис.37, 1). А некоторые специалисты не без основания полагают, что находки таких ножниц – один из хронологических признаков погребений XIV в. (Яворская Л.В., 1999). Таким образом, изображения ножниц на половецких изваяниях также могут свидетельствовать в пользу продления верхней даты последних, вопреки утвердившейся в специальной литературе.

Остается указать и на прорисовки иных изображений, имеющих на изваяниях. Среди них – изображение крюка, расцененного как трудноопределимый предмет (Плетнева С.А., 1974, с.46, рис.20, 20). Но, прежде чем обратиться к его возможной функциональной атрибуции, укажем следующее. Близкие крюки есть еще на двух изваяниях, опубликованных Т.М.Минаевой: из Черкесского музея (рис.7, 1-4), а также из окрестностей станицы Сторожевой (Минаева Т.М., 1964, рис.11, с.185). Рассматривая их и пытаясь атрибутировать крюки, Т.М.Минаева указывала на еще одно изваяние с таким же предметом, в свое время стоявшее на берегу р.Ингул. Изваяния из Черкесского музея и из Сторожевой исследовательница посчитала половецкими (Минаева Т.М., 1964, с.180-187). С такой интерпретацией справедливо не согласился Х.Х.Биджиев (Биджиев Х.Х., 1993), хотя и его этнокультурная атрибуция этих памятников требует специального критического анализа. Не останавливаясь на этой проблеме, позволим себе заметить лишь то, что эти изваяния несколько позднее половецких, хотя их генезис демонстрирует значительную близость к половецкой традиции.

Датируя и функционально определяя крюки из половецких памятников, следует обратиться к изображениям на изваянии из Черкесского музея. На изваянии из музея г.Черкесска есть изображение секиры с длинной ручкой (рис.7, 8), параллели которой можно найти, в основном, среди близких предметов Западной Европы (Boeheim W., 1985, s.373-375) (рис.7, 4, 5). Такие же секиры в XIV-XV вв. изображены на Тебризских миниатюрах (Горелик М.В., 1982). Наряду с секирой, на изваянии есть и другие предметы. Вопреки точке зрения Т.М.Минаевой, там изображена еще и плеть (рис.8, 2), имеющая параллели как среди археологического материала раннего средневековья (Ахундов И.В., 1995; Бородовский А.П., 1993), так и на половецких изваяниях (Плетнева С.А., 1974, с.46, рис.20, 20). Есть и этнографические свидетельства, происходящие с Северного Кавказа (рис.8, 6, 7), хорошо изученные Э.Аствацатуряном (Аствацатурян Э., 1985).

Другой предмет с длинной деревянной ручкой (рис.8, 3) можно расценить как разновидность ударного оружия (известное по материалам домонгольской Булгарии) (рис.8, 8) типа железных наверхий различной конфигурации, при помощи цепи крепившихся к деревянной рукояти (Культура..., 1985). Что

же касается крюка, то Т.М.Минаева оценивала его двояко: с одной стороны, она указывала на наличие подобных крюков у чабанов, при помощи которых они ловили овец. А с другой стороны, исследовательница не исключала того, что подобные крюки – вид оружия, использовавшийся для стаскивания всадника с седла (Минаева Т.М., 1964, с.183-185). Последняя атрибуция представляется нам более реальной. Развивая эту версию, укажем на находки наконечников копий в памятниках чжурчженей, имевших на вооружении крюки (рис.9, 3), (Деревянко Е.И., 1987). Но все они домонгольской поры. Самой близкой аналогией, среди известных нам, можно назвать наконечник копья с отломанным крюком (рис.9, 4), хранившийся до 1991 г. в числе выразительной коллекции наконечников копий XIII-XIV вв. в школьном музее с.Кошкельды в Чечне (рис.9, 4), к сожалению, лишь частично введенной в научный оборот (Чахкиев Д.Ю., 1987). Все эти наконечники копий были собраны на небольшой площади в окрестностях г.Гудермеса, где ныне не без основания локализуют место сражения Чингизидов с алано-половецкими войсками в 1222 г., войск Тохтамышша с Тимуром, как, впрочем, и хулагуидо-джучидские военные столкновения XIII-XIV вв. (Джиоев М.К., 1982, с.80-90). Последнее обстоятельство предопределяет то, что отмеченный наконечник копья из с.Кошкельды, в числе иных заимствований чжурчженского происхождения (Крамаровский М.Г., 1995), был занесен на Северный Кавказ во время монголо-татарского нашествия.

На возможность отмеченного сопоставления крюков и наконечников копий, в целом, с предметами вооружения, занесенными в Восточную Европу Чингизидами, указывают и другие источники, например, Г.Рубрук (Путешествие..., 1957), на что справедливо обратил внимание А.Н.Кирпичников (Кирпичников А.Н., 1980). А.Н.Кирпичников указывает на наличие подобного оружия у русских ратников, принимавших участие в Куликовской битве (Кирпичников А.Н., 1980). Весьма любопытными являются и наблюдения швейцарского оружейоведа В.Бейхайма. Рассматривая западноевропейские спетумы (рис.9, 5), исследователь отмечал, что первоначально они имели один крюк (рис.9, 5) и были занесены в Европу из Причерноморья в XIII-XIV вв. (Boeheim W., 1985, s.353-355). Таким образом, интересующие нас крюки, изображенные на половецких изваяниях, впрочем, как и на изваяниях из Черкесского музея и ст.Сторожевой, реально бытовавшие и занесенные в Восточную Европу Чингизидами, являются предметами вооружения, позже, очевидно, вошедшими в состав вооружения половец XIII-XIV вв.

Таким образом, перечисленные выше предметы, изображенные на половецких изваяниях, и археологические параллели им, известные на обширной территории в материалах XIII-XIV вв., дают все основания для того, чтобы ставить вопрос о практике

изготовления половецких изваяний и в золотоордынскую эпоху, а не только в XII-XIII вв.

О соотношении половецких святилищ Дона и Северного Кавказа

Как правило, при датировке святилищ как с каменными, так и с деревянными изваяниями, помимо изображенных на них аксессуаров, еще одним из критериев в определении дат этих памятников используются скромные находки, иногда содержащиеся в составе памятника. Как правило, это керамический бой, фиксируемый вместе с уюльками, костями животных и пр. Попытки использования этих находок в качестве датирующего материала (Гуркин С.В., 1991, с.103-113; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.114-143; Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с.86, 87; Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.209-226 и др.) не дают четких зацепок для достаточно узкой датировки святилищ. Более того, нередко находки керамики лишь фиксируются в заполнении ям-котлованов, в которых изначально устанавливались изваяния, что опять-таки может указывать только на нижнюю дату функционирования святилищ. Все это вместе и предопределило наше обращение к археологическим материалам. Учитывая работы о половецких святилищах обобщенного характера (Швецов М.Л., 1979; Гуркин С.В., 1987), в качестве примера мы рассмотрим лишь несколько святилищ Северного Кавказа и Дона. Первое из них – это святилище близ с.Бешпагир в р-не сближения рр.Кубани и Калауса (Ставрополье) (Мирошина Т.В., 1985, с.125, 126). К сожалению, мы располагаем лишь самой общей информацией о памятнике и фотографией изваяния оттуда (рис.12, 1). Определенный интерес вызывает и святилище из группы Чограй IX к.4 (Арзгирский р-н, Ставропольский край), недавно введенное в научный оборот (рис.12, 2, 3; 13, 1-4) А.Г.Атавиным и М.В.Андреевой (Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998, с.231-237). Весьма показательными и информативными представляются и материалы раскопок с окраин г.Ростова-на-Дону (Волков И.В., 1985, с.111-112; Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с.86, 87) (рис.16, 2, 17), а также святилище из Ростова-на-Дону (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.114-149) (рис.16, 2; 15, 2-12). С территории Ростовской области мы используем еще один памятник (Гуркин С.В., 1991, с.14, 1-4). В качестве своеобразного фона для сопоставлений мы привлекаем и святилища с территории Северо-Западного Причерноморья (рис.10; 11) (Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М., 1991, с.264-268).

В 1991 г. С.В.Гуркин предложил новую типологию позднекочевнических святилищ, разделив их на два типа. В первый из них исследователь включил святилища с половецкими изваяниями, стоявшими на вершинах курганов, открытых для обзора со всех сторон. Ко второму типу он отнес те половецкие святилища, в которых изваяния были сокрыты от обзора или были полностью закопаны в ямах (Гуркин С.В.,

1991, с.109, 110). Типология С.В.Гуркина была отчасти разделена и С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1996). Комментируя половецкие изваяния из коллекции Армавирского краеведческого музея, С.А.Плетнева заметила: “Производство каменных изваяний было прервано монгольским нашествием... (Эта мысль С.А.Плетневой высказывалась не раз – Е.Н.). Однако произошло это не сразу. Некоторое время культ предков с поклонением их посмертному воплощению – каменным изваяниям – еще продолжал существовать, только последних стали помещать в полускрытых под землей (в ямах) святилищах” (Плетнева С.А., 1996, с.166).

Даже такой лаконичный характер объяснений причин прекращения у половцев традиции использования святилищ вызывает массу вопросов. Применительно к Северному Кавказу непонятным остается время монгольского нашествия: неизвестно, что считать за отправную точку – 1222 г. или же кампанию Чингизидов 1238-1239 гг., когда регион стал объектом их политико-экономического освоения. Требуется ответ и вопрос о длительности поклонения изваяниям, т.к. понятие “некоторое время” в условиях нового, золотоордынского этапа истории исследуемого региона выглядит достаточно неопределенным. Некоторые сомнения вызывает и определение второго типа святилищ как “полускрытых” под землю, т.к. во всех известных случаях речь может идти лишь об изваяниях, полностью скрытых землей в специальных ямах. Последнее обстоятельство требует оценивать их как святилища, специально скрытые под землей и вряд ли являвшиеся доступными для посещения и обзора. Объектом для возможного поклонения оставалась верхушка кургана, а сам обряд поклонения спрятанному символу культа мог исполняться как тайное действие.

Святилище Бешпагир, судя по всему, представляло собой подтреугольную яму, в центре которой “было выявлено половецкое “сидящее” (по типу) изваяние (рис.12, 1), изображавшее мужчину с усам, в шлеме, с нагрудными ремнями, в сапогах и с чашей в руках. Статуя прекрасной сохранности. По бокам от нее в яме было расчищено два скелета в неестественных позах. Видимо, люди были принесены в жертву” (Мирошина Т.В., 1985, с.126). Человеческим жертвоприношением наличие погребенных в святилище определяет С.В.Гуркин (Гуркин С.В., 1991, с.103-110). Исходя из описания святилища, можно заключить, что изваяние было вкопано в дно ямы и полностью скрыто в кургане.

Более полны у нас сведения о другом святилище со Ставрополья, открытом в восточной поле кургана в 6,5 м к востоку от центра. Оно представляет собой округлую в плане яму (рис.12, 3; 13, 1-4). В центре ямы, имевшей углубление, был обнаружен постамент каменной статуи. Изваяние (рис.12, 2; 13, 3, 4) схоже с бешпагирским. Согласно дальнейшему описанию объекта, можно предполагать следующее: изначально изваяние могло возвышаться над курганом, будучи

чи вкопанным в яму по самую подошву ступней, и было полностью доступно для обзора. Именно эта часть кургана была самая высокая. Со временем, в восточной поле кургана было совершено несколько синхронных половецких захоронений и несколько половецких погребений золотоордынского времени. Перекрытие насыпью всех захоронений, очевидно, и создало итоговую высоту кургана, в результате чего и святилище оказалось полностью под землей в 6,5 м к востоку от верхушки. Важными являются наблюдения А.Г.Атавина и М.В.Андреевой: «Для нас важен факт, – отмечали они, – что святилище довольно долго функционировало не только в половецкое время, но и после татаро-монгольского нашествия. Это можно предполагать исходя из того, что изваяние было найдено на своем месте, а не поваленным, как это обычно встречается при раскопках. В непосредственной близости от него было найдено несколько половецких погребений, а чуть в стороне – захоронения половцев золотоордынского времени. По всей видимости, почитание статуи продолжалось и в этот период. Многие из них были уничтожены, но тысячи стояли на курганах вплоть до XIX – нач. XX в., когда они были перевезены в ближайшие губернские музеи» (Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998, с.233). В подтверждение этой мысли мы можем привести массу сведений, которые вплоть до XVIII–XX вв. фиксировали подобные случаи (Минаева Т.М., 1964, с.167–196; Кузнецов В.А., 1980, с.69–85; Фелицын Е.Д., 1892 и др.). Суммируя их с данными, полученными при раскопках святилищ Г.Л.Евдокимовым и Н.М.Куприй, можно полагать: огромное количество половецких изваяний пережило не только саму завоевательную кампанию Чингизидов, но и Золотую Орду, продолжая оставаться в неизменном виде на приметных точках возвышающегося ландшафта, сохранившись в ряде мест вплоть до XIX–XX вв. Это обстоятельство позволяет считать, что существование таких культовых мест не вызывало у Чингизидов антипатий и стремления к их уничтожению. Во всяком случае, на такую постановку вопроса отчасти указывает и относительная веротерпимость в Золотой Орде, способствовавшая сосуществованию в городах Золотой Орды как христианских церквей (Нарожный Е.И., 1989, с.108–116), так и мусульманских мечетей (Зиливинская Э.Д., 1998, с.16–37). А в ближайшей округе, очевидно, функционировали и языческие, половецкие святилища. Но дело не только в веротерпимости. Многие исследования, опирающиеся на археологические памятники, главным образом, Восточной Монголии, свидетельствуют, что до прихода в Восточную Европу, а также и в XIII–XIV вв. у части монголов существовал культ предков, артефактами которого являлись монументальные изваяния (Баяр Д., 1985, с.148–153; Майдар Д., 1981, с.55–58).

Вышеотмеченное позволяет считать, что известные случаи сокрытия половецких изваяний и святилищ вряд ли стоит расценивать как типологичес-

кую разновидность половецких культовых памятников. Скорее всего, мы имеем дело с одной из форм почитания культа предков, функционировавшего в позднейшем (последнем) этапе половецкой истории. Другими словами, на сокрытии святилищ и изваяний могли отразиться совершенно иные процессы, продиктованные изменениями в мировоззренческой системе половцев. В этой связи обратимся к другим материалам. Нам представляется, что ограничение периода функционирования половецких святилищ монголо-татарским временем – лишь следование сложившимся научным стереотипам, явно устаревшим. Прочно укоренилось в науке и утверждение Г.А.Федорова-Давыдова о том, что после окончания завоевательной кампании Чингизидов половецкая знать была уничтожена (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Это явно преувеличено. Зачем это было нужно делать, если последняя, судя, в частности, по письменным источникам, перешла на сторону победителей.

С.В.Гуркин, изучая святилища Подонья, обратил внимание на памятник (рис.14, 1–3), где под насыпью кургана было две ямы. В одной из них (рис.14, 2), расположенной в стороне от верхушки кургана (как и в комплексе Чограй-IX, к.4), находилось изваяние, практически полностью сокрытое в яме (рис.14, 3, 4). В самом центре кургана (рис.14, 1), под насыпью, находилась вторая яма значительных размеров без каких-либо признаков погребения в ней. Однако, если сопоставить святилище Г.Л.Евдокимова и Н.М.Куприй, то можно предположить, что первоначально в центральной яме интересующего нас кургана могло размещаться изваяние, почти полностью (в полный рост) возвышавшееся над окружающей местностью. И только со временем в поле кургана была вырыта вторая яма (рис.14, 4), куда, очевидно, перенесли и вкопали изваяние с таким расчетом, что оно должно было быть полностью спрятано, сокрыто. В принципе, такая последовательность не исключала возможности сохранения кургана как культовой святыни. Точнее говоря, такая процедура напоминает ритуальное захоронение еще недавно почитавшегося предка. В развитие этой мысли рассмотрим и другие святилища Донского региона.

В 1988 и 1992 гг. опубликованы неординарные святилища. В первом из них была обнаружена подквадратная оградка из камней, внутри которой находились сразу четыре половецких изваяния (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992). Во второй, близкой по конструкции оградке, найдено одно изваяние (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988).

Оба объекта привлекают к себе внимание не только оригинальностью конструкции, которая, кстати говоря, очень близка оградкам из камней золотоордынского времени, раскопанным в Поволжье и на Южном Урале (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988), постепенно, с рубежа XIII–XIV вв., (Яворская Л.В., 1999) сменившейся традицией возведения оградок из сырца. Особенностью указанных оградок является то, что изваяния внутри них зафиксированы уложенными

плашмя, это еще более напоминает ритуальное захоронение изваяний.

В первом святилище, где хорошо были прослежены ямки-котлованы (рис.15, 2-12) из-под изваяний, последние в двух случаях лежали на спине, головой на восток, лицевой частью вверх (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с.118-119). Такая укладка напоминает традиционное трупоположение, присущее половецким погребальным комплексам. В третьем случае изваяние было разбито (при использовании техники), в результате чего его положение не устанавливается. Четвертое изваяние зафиксировано (при восточной ориентировке) на животе, лицом вниз. В этом следует, на наш взгляд, видеть не безразличие к трупоположению, а целенаправленное действие.

Рассмотрим святилище, обнаруженное в г.Ростове-на-Дону (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988). По центру внутреннего периметра каменной оградки размещалось несколько ям, определенных авторами публикации как грабительские. Ямы различались по цвету заполнения, что и позволило исследователям реконструировать систему их перекрытия (рис.17, 1). В одной из них фиксировались кости животных и угольки (рис.17, 1, 4). Вероятно, это верхний уровень ямы-котлована святилища. Отмечая перекрытие этими ямами катакомбы эпохи бронзы, исследователи отмечают и находки фрагментов баклажки эпохи хазарского каганата (рис.17, 4). Отталкиваясь от стратиграфических наблюдений И.В.Волкова и П.А.Ларенка, мы предлагаем следующую реконструкцию функционирования святилища. В половецкое время на погребение с флягой "село" святилище, где в специальной яме первоначально было установлено изваяние, лицом ориентированное практически на восток (рис.17). Со временем изваяние было выкопано и завалено таким образом, что оно оказалось лицевой частью вниз, а головой – на северо-запад (рис.16, 2).

Ориентировка в сторону запада (с некоторым отклонением к северу – сезонное) может также оказаться не случайной, если учесть то обстоятельство, что в XIV в. значительное количество погребальных комплексов, которые сопоставляются с половецкими, также имеют западную ориентировку.

Правомерность или необоснованность выказанных наблюдений может быть подкреплена либо опровергнута со временем, но пока мы склонны расценивать такую обрядность (вертикально вкопанных или горизонтально уложенных) как захоронения функционально исчерпавших себя изваяний в период, когда они стояли на вершинах курганов.

О времени и возможных причинах захоронения изваяний у половцев (сокрытия святилищ)

Как известно, изготовление изваяний, сооружение святилищ и их почитание связаны с культом первопредка. По крайней мере, так половецкие изваяния

и святилища оценивали Г.А.Федоров-Давыдов, С.А.-Плетнева и практически все те, кто занимался этой проблемой. Несмотря на созданные эволюционные ряды половецких статуй (Плетнева С.А., 1958, 1981; Федоров-Давыдов Г.А., 1966 и др.) и альтернативные им подходы (Гераськова Л.С., 1982, 1991), либо же новые уточнения к ним (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000), оценка семантики изваяний половец остается близкой. К.И.Красильников и Л.И.Тельнова, к примеру, так оценивают половецкую традицию: "...несмотря на типологическое разнообразие статуй, мы убеждены в том, что в скульптурах половец были заложены два идейных смысла, относящихся к одной и той же языческой вере: во-первых, изваяния ассоциируются у нас со святилищем – местом поклонения и жертвоприношений предкам; во-вторых, статуи – это символы-покровители реальных, знатных из числа аристократии, особо отличившихся воинов. Эти два смысла не исключают возможное многообразие социально-культурных процессов, происходивших в половецком обществе на позднем этапе их развития" (Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000, с.243). Солидаризируясь с вышесказанным, мы можем добавить лишь следующее: любые фиксируемые изменения отношения половец к традиционным культам и божествам вряд ли могли являться следствием лишь политико-экономического подчинения Золотой Орде. Чтобы отказаться от многовековой языческой традиции почитания первопредка, необходимы были причины иного и более глубокого смысла. Скорее всего, это связано с изменениями мировоззренческого характера, когда в рамках Золотой Орды половецкая верхушка, а затем и все остальные социальные структуры этого сообщества были вынуждены приобщаться к новым религиозным веяниям. Но вряд ли все это можно объяснить с позиций процесса всеобщей христианизации половец, хотя полностью последнего мы не можем отрицать. Общеизвестно, что в литературе существуют разрозненные данные письменных источников, позволяющие исследователям ставить вопрос о существовании подобных попыток не только со стороны православной церкви (Малахов С.Н., 1997, с.135-158), но и со стороны католиков (Князький И.Ю., 1995, с.62, 63). Христиан-половец в Золотой Орде наблюдал Ибн-Баттута, в 1-й трети XIV в. побывавший на территории Поволжья, а затем и Северного Кавказа (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.306). Характер погребальных памятников, связываемых с половецкими XIV в., как будто бы не дает четких примеров для подобного сопоставления. Но в целом ряде случаев в материалах Северного Кавказа мы сталкиваемся с половецкими погребениями, имевшими западную ориентировку и полностью безынвентарными. Но и эти объекты могут трактоваться различно, в том числе связываться с воздействием ислама. Как бы там ни было, но интересующие нас процессы внутренних изменений в половецкой среде XIV в. хорошо описывает арабский

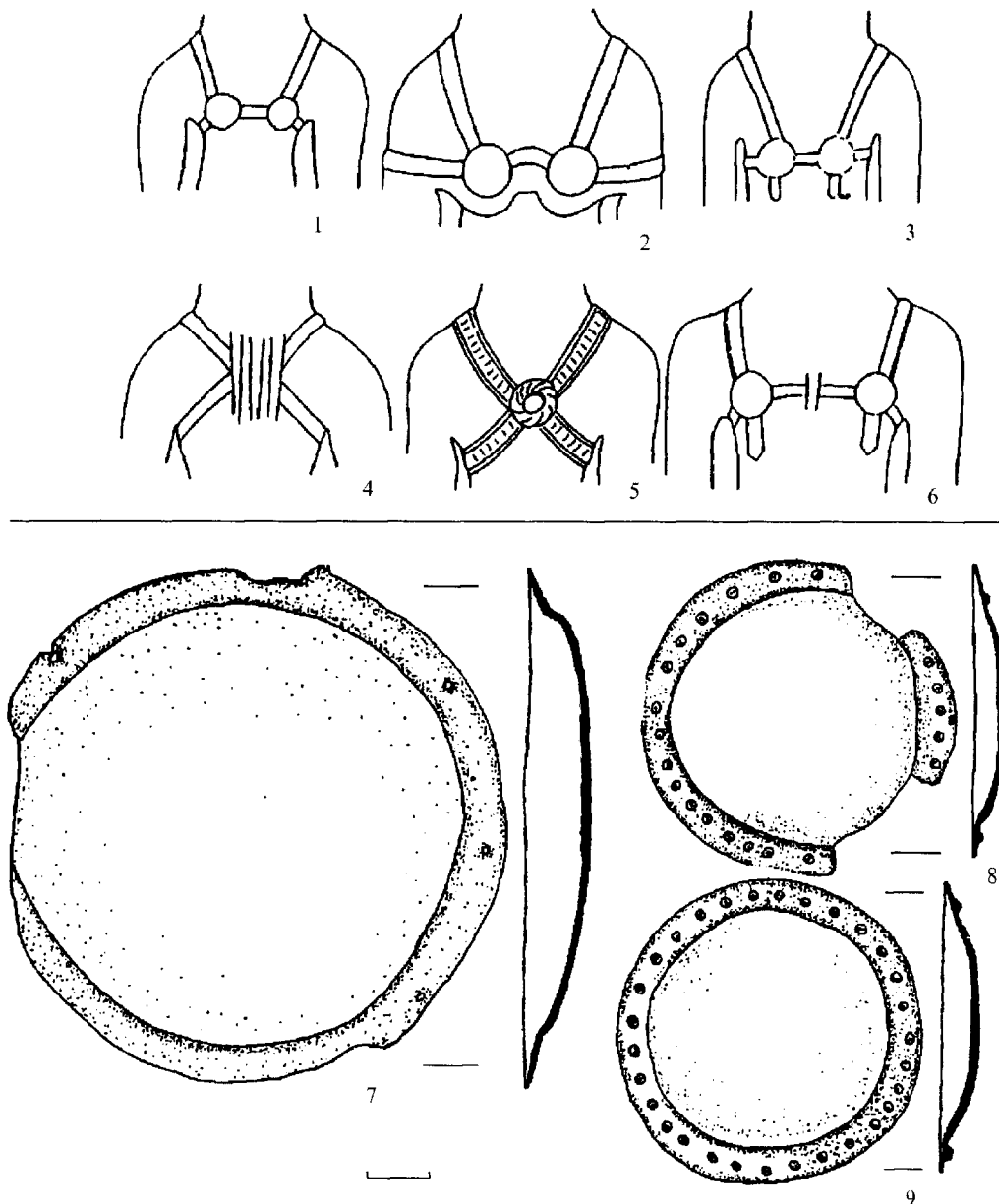

Рис. 1. Бронзовые нагрудные бляхи и их расположение на изваяниях. 1-6 – расположение блях на половецких статуях (по С.А.Плетневой); 7-9 – бронзовые нагрудные бляхи из горной Ингушетии (раскопки Е.И.Нарожного).

Fig. 1. Bronze chest badges and their position on the statues. 1-6 – badges positions on Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 7-9 – bronze chest badges from the Ingush Republic highlands (excavations by E.I. Narozhny).

Abb. 1. Brustblechschilder aus Bronze und ihre Lage auf den Steinbildern. 1-6 – die Lage der Blechschilder auf den kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 7-9 – bronzene Brustblechschilder aus Gebirgsinguschetien (Ausgrabungen von E.I. Narozhny).

Dess. 1. Plaques pectorales de bronze et leur disposition sur les statues. 1-6 – disposition des plaques sur les statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 7-9 – plaques pectorales de bronze trouvées en Ingouchie montagneuse (fouille de E.I. Narozhny)

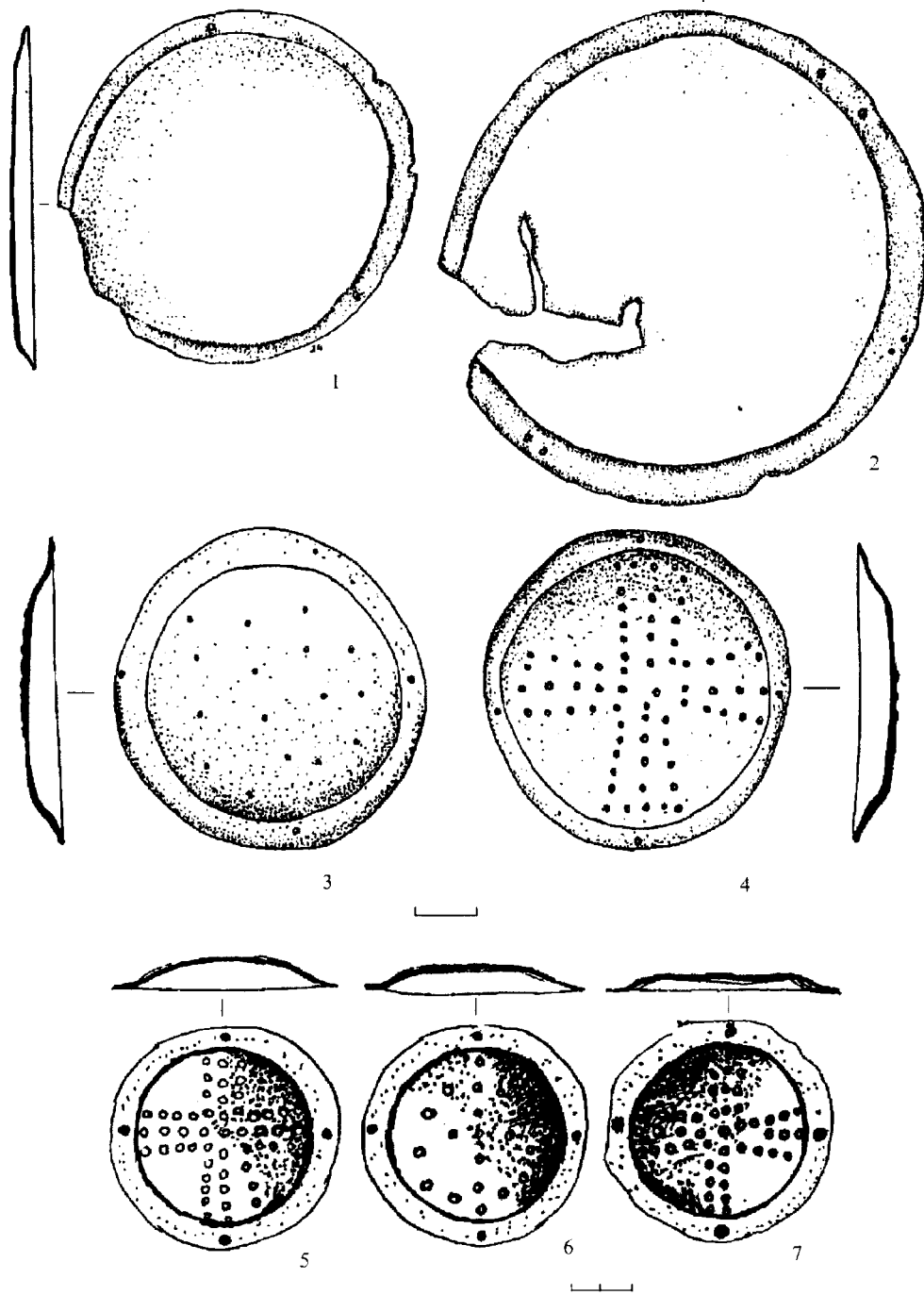

Рис. 2. Бронзовые нагрудные бляхи из горной Ингушетии (Северный Кавказ). 1-7 – бляхи из раскопок Келийского могильника в горной Ингушетии.

Fig. 2. Bronze chest badges from the mountains of Ingush Republic highlands (The Northern Caucasus). 1-7 – badges found at Keli cemetery of the Ingush Republic highlands.

Abb. 2. Bronzene Brustblechschilder aus Gebirgsinguschetien (Nordkaukasus). 1-7 – Blechschilder aus den Ausgrabungen des Keli-Grabfeldes in Gebirgsinguschetien.

Dess. 2. Plaques pectorales de bronze trouvées en Ingouchie montagnaise (Caucase du Nord). 1-7 – plaques issues des fouilles de la nécropole Keli en Ingouchie montagnaise

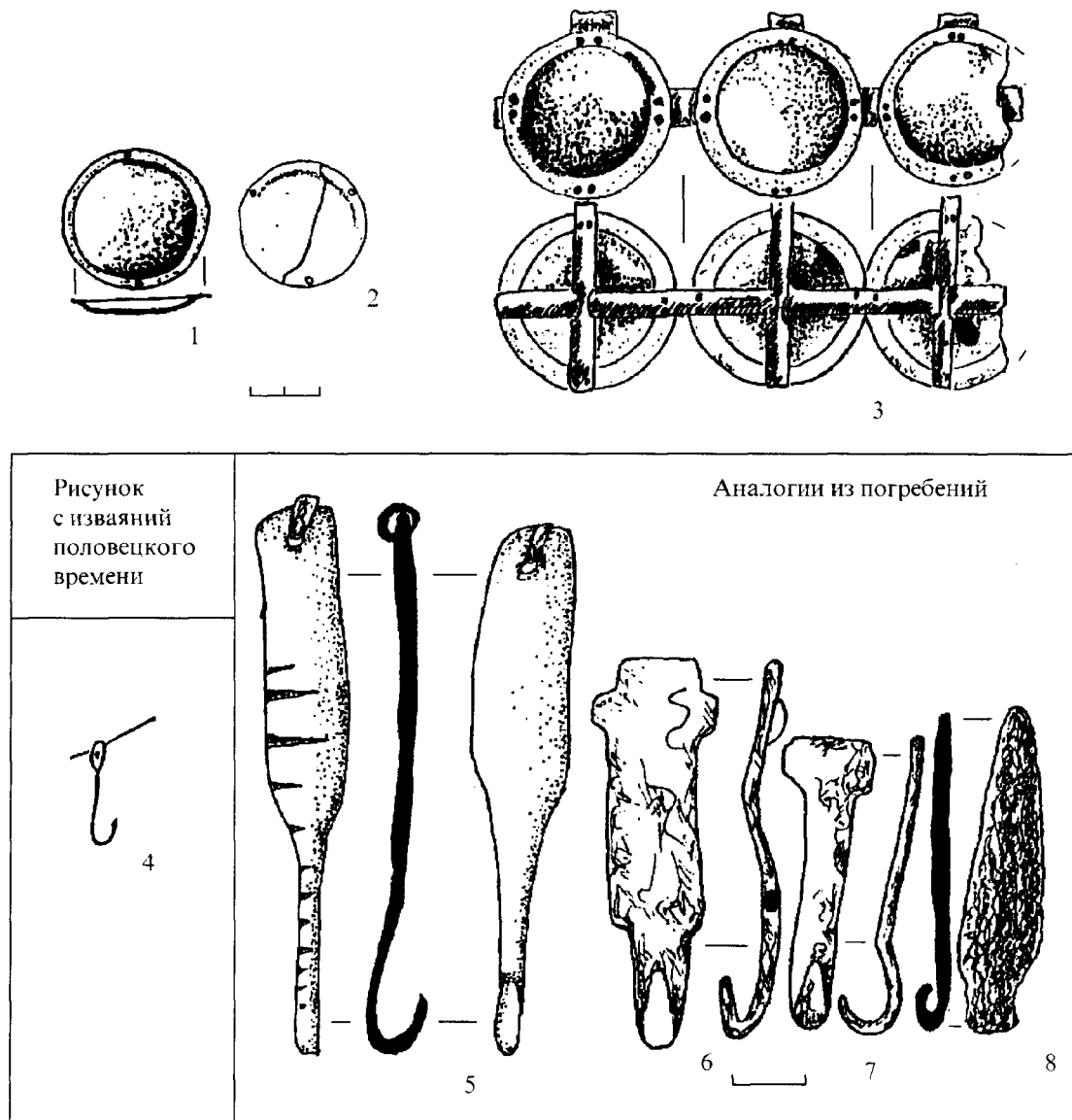

Рис. 3. Бронзовые нагрудные бляхи и крючья из погребений Северного Кавказа. 1-3 – бляхи из погребений Келийского могильника (3 – с кожаными ремнями); 4 – изображение крюка на половецких статуях (по С.А.Плетневой); 5-8 – бронзовый (5) и железные (6-8) крючья из женских захоронений Келийского могильника в горной Ингушетии.

Fig. 3. Bronze chest badges and hooks from interments of the Northern Caucasus. 1-3 – badges from Keli cemetery (3 – with leather straps); 4 – picture of a hook on Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 5-8 – bronze (5) and iron (6-8) hooks from women's burials of Keli cemetery in the Ingush Republic highlands.

Abb. 3. Bronzene Brustblechschilder und Haken aus den Bestattungen im Nordkaukasus. 1-3 – Blechschilder aus dem Keli-Gräberfeld (3 – mit Lederriemen); 4 – Hakenbild an kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 5-8 – Bronzehaken (5) und Eisenhaken (6-8) aus Frauenbestattungen im Keli-Gräberfeld in Gebirgsinguschetien.

Dess. 3. Plaques pectorales de bronze et des crochets trouvés dans des tombeaux du Caucase du Nord. 1-3 – plaques appartenant à la nécropole de Keli (3 – avec des ceintures de cuir); 4 – image du crochet sur les statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 5-8 – Crochets de bronze (5) et de fer (6-8) issus des sépultures féminines de la nécropole de Keli en Ingouchie montagnaise

Рисунки предметов на изваяниях	Зеркала из погребальных комплексов						
	Северный Кавказ			Подонье. Приазовье	Причерноморье	Нижнее Поволжье	Южный Урал
	X-XII	XII-XIII	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV

Рис. 4. Зеркала X-XIV вв. Восточной Европы. 1-2 – прорисовки зеркал с изваяний (по С.А.Плетневой); 3-11 – зеркала из погребальных комплексов.
 Fig. 4. Metal mirrors of Xth-XIVth cc from Eastern Europe. 1-2 – drawings of mirrors from statues (according to S.A.Pletneva); 3-11 – mirrors from burial complexes.

Abb. 4. Metallspiegel, Osteuropa, 10. bis 14. Jh. 1-2 – Abzüge der Spiegel von Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 3-11 – Spiegel aus Grabkomplexen.
 Dess. 4. Miroirs métalliques des X-XIV siècles du territoire de l'Europe de l'Est. 1-2 – croquis des miroirs sur les statues (d'après S.A.Pletneva); 3-11 – miroirs issus des complexes funéraires

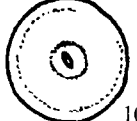

Рисунки предметов на изваяниях	Зеркала из погребальных комплексов						
	Северный Кавказ		Подонье, Приазовье	Причерноморье	Нижнее Поволжье	Южный Урал	
	X-XII	XII-XIII	XIII-XIV				
 1	 4	 5	 6	 7	 8	 9	 10
 2	 11	 12	 13				
 3	 14		 15	 16	 17		 18

Рис. 5. Зеркала X-XIV вв. Восточной Европы (продолжение). 1-3 – зеркала с половецких изваяний (по С.А.Плетневой); 4-18 – зеркала из погребальных комплексов.

Fig. 5. Metal mirrors of Xth-XIVth cc from Eastern Europe (continued). 1-3 – mirrors from Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 4-18 – mirrors from burial complexes.

Abb. 5. Metallspiegel aus Osteuropa (10. bis 14. Jh.) (Fortsetzung). 1-3 – Spiegel von kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 4-18 – Spiegel aus Grabkomplexen.

Dess. 5. Miroirs métalliques des X-XIV siècles du territoire de l'Europe de l'Est (suite). 1-3 – miroirs des statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 4-18 – miroirs des complexes funéraires

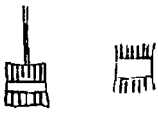
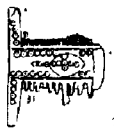
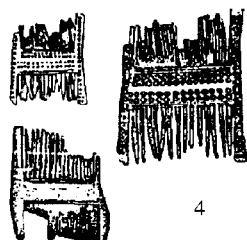

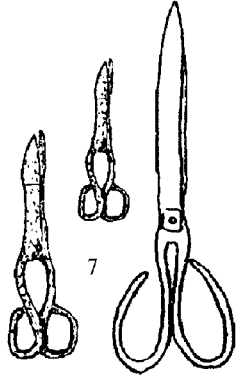
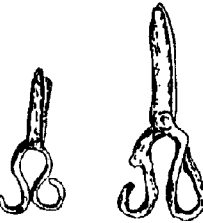
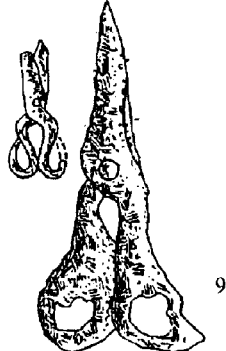
Рисунки предметов с изваяний	Находки из погребальных комплексов			
	Северный Кавказ	Подонье, Приазовье	Нижнее Поволжье	Южный Урал
	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV	XIII-XIV
 <p>1</p>	 <p>3</p>	 <p>4</p>	 <p>5</p>	
 <p>2</p>	 <p>6</p>	 <p>7</p>	 <p>8</p>	 <p>9</p>

Рис. 6. Деревянные гребни и портняжные ножницы Восточной Европы эпохи средневековья. 1-2 – изображения на половецких изваяниях (по С.А.Плетневой); 3-9 – находки из погребальных комплексов.

Fig. 6. Medieval wooden combs and tailor's scissors from Eastern Europe the period of Middle Ages. 1-2 – pictures on Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 3-9 – findings from burial complexes.

Abb. 6. Holzkämme und Schneiderscheren, Osteuropa, Mittelalter. 1-2 – Darstellungen an kumanischen Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 3-9 – Funde aus Grabkomplexen.

Dess. 6. Peignes de bois et ciseaux de tailleur de l'Europe de l'Est à l'époque du Moyen Age. 1-2 – images sur les statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 3-9 – trouvailles des complexes funéraires

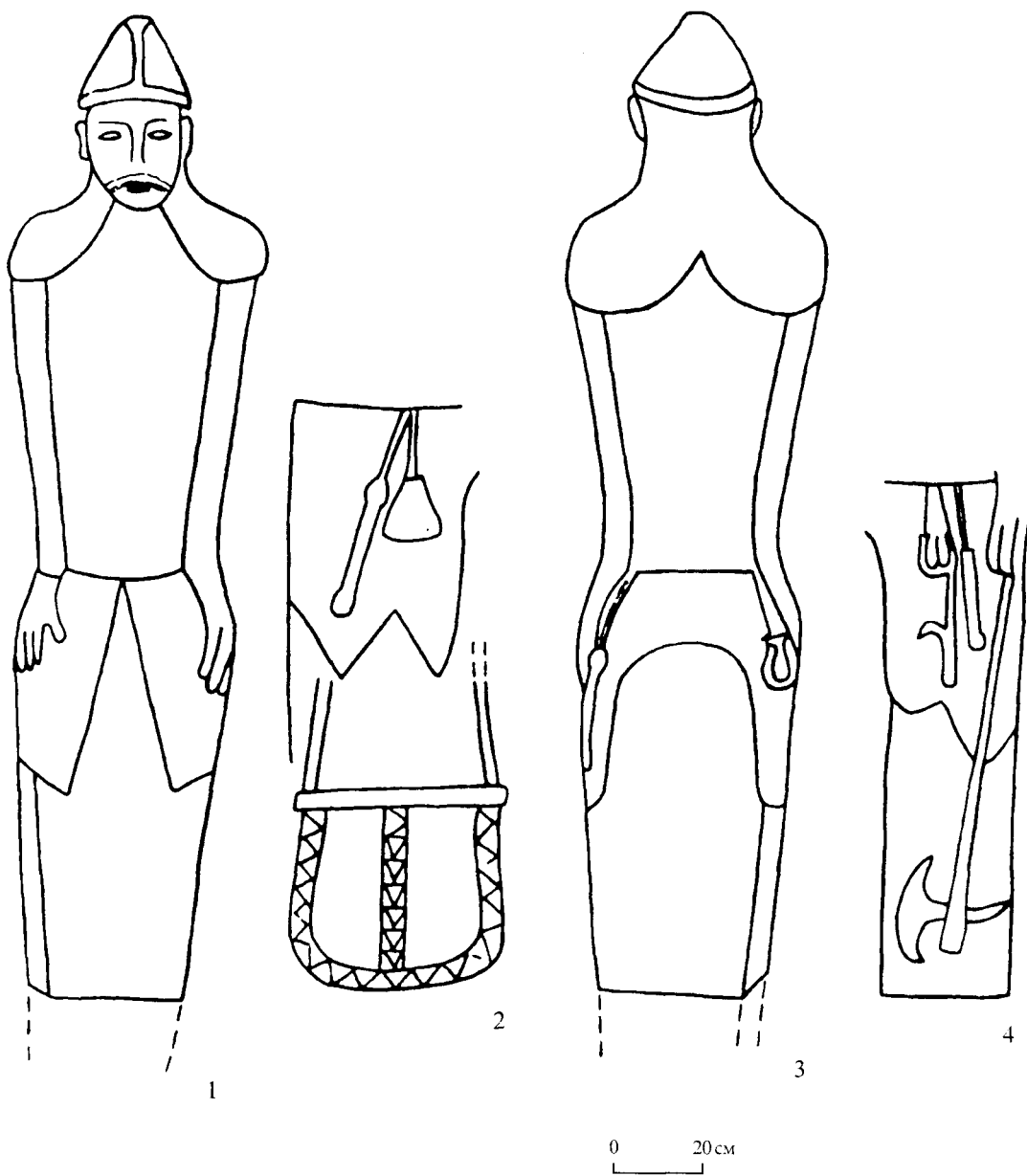

Рис. 7. Каменное изваяние из Черкесского музея (рисунок Т.М.Минаевой).
 Fig. 7. Stone statue from Cherkessk Museum (drawing by T.M.Minaeva).
 Abb. 7. Die Steinskulptur aus Tscherkessker Museum (Bild von T.M.Minajewa).
 Dess. 7. Statue de pierre du musée de Çerkesk (dessin de T.M.Minaeva)

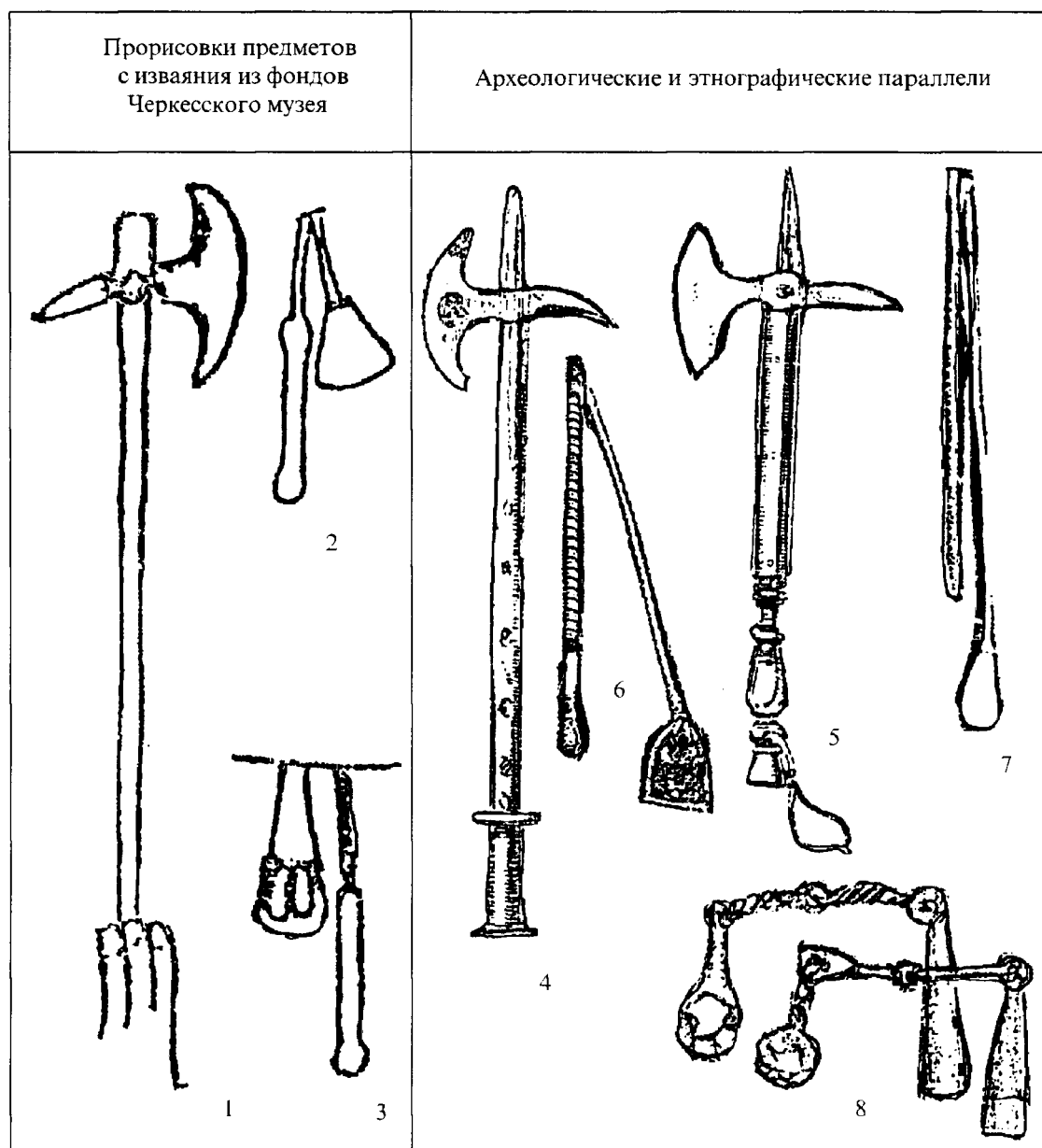

Рис. 8. Предметы воинского снаряжения с изваяния из Черкесского музея и их археологические аналогии. 1-3 – прорисовки изображений с изваяния (по Т.М.Минаевой); 4-5 – Западная Европа; 6-7 – Северный Кавказ; 8 – Волжская Булгария.

Fig. 8. Articles of warrior's kit on a statue from Cherkessk Museum and their archaeological analogues. 1-3 – drawings of statue (according to T.M.Minaeva); 4-5 – Western Europe; 6-7 – Northern Caucasus; 8 – Bulgaria on the Volga.

Abb. 8. Gegenstände der Kampfrüstung vom Steinbild im Tscherkesser Museum und ihre archäologischen Analoga. 1-3 – Abzüge der Darstellungen von einem Steinbild (nach T.M. Minaeva); 4-5 – Westeuropa; 6-7 – Nordkaukasus; 8 – Wolgabulgarien.

Dess. 8. Objets de l'équipement de guerrier de la statue du musée de Çerkesk et ses analogies archéologiques. 1-3 – croquis des images de la statue (d'après T.M.Minaeva); 4-5 – Europe occidentale; 6-7 – Caucase du Nord; 8 – Bulgarie sur la Volga

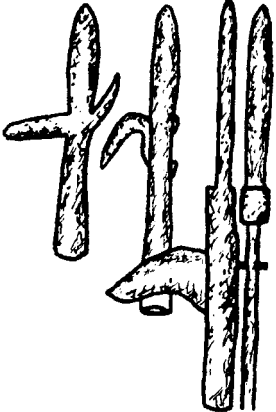

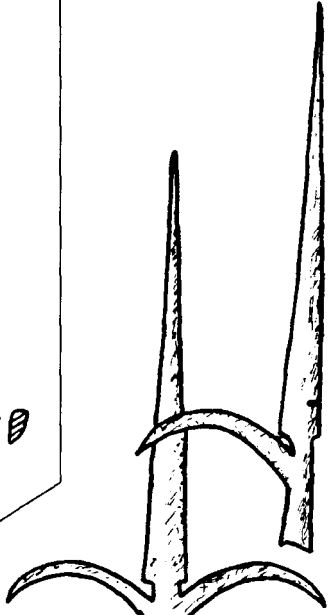

Прорисовки предметов с изваяний	Археологические параллели		
	Дальний Восток (чжурчжэни)	Чечня	Западная Европа
Половецкое 1	 3	 4	 5
Черкесский музей 2			

Рис. 9. Предметы воинского снаряжения с изваяний и их археологические аналогии. 1 – крюк с половецких изваяний (по С.А.Плетневой); 2 – крюк с изваяния из Черкесского музея; 3 – копья с Дальнего Востока (по Е.И.Деревянко); 4 – копье с территории Чечни; 5 – предметы вооружения из Западной Европы.

Fig. 9. Articles of warrior's kit on statues and their archaeological analogues. 1 – hook from Polovets statues (according to S.A.Pletneva); 2 – hook from a statue in the Cherkessk Museum; 3 – spears from the Far East (according to E.I.Derevianko); 4 – spear from the territory of Chechnya; 5 – armament articles from Western Europe.

Abb. 9. Gegenstände der Kriegerausrüstung von Steinbildern und ihre archäologischen Analoga. 1 – Haken an Kumanen-Steinbildern (nach S.A. Pletneva); 2 – Haken von einem Steinbild im Tscherkesser Museum; 3 – Speere aus dem Fernen Osten (nach E.I. Derevjanko); 4 – Speer aus Tschetschnja; 5 – Rüstungsgegenstände aus Westeuropa.

Dess. 9. Eléments de l'équipement de guerrier des statues et leurs analogues archéologiques. 1 – crochet des statues poloveckiennes (d'après S.A.Pletneva); 2 – crochet de la statue du musée de Čerkesk; 3 – lances de l'Extrême-Orient (d'après E.I.Derevânko); 4 – lance du territoire de Čečenie; 5 – pièces d'armes de l'Europe occidentale

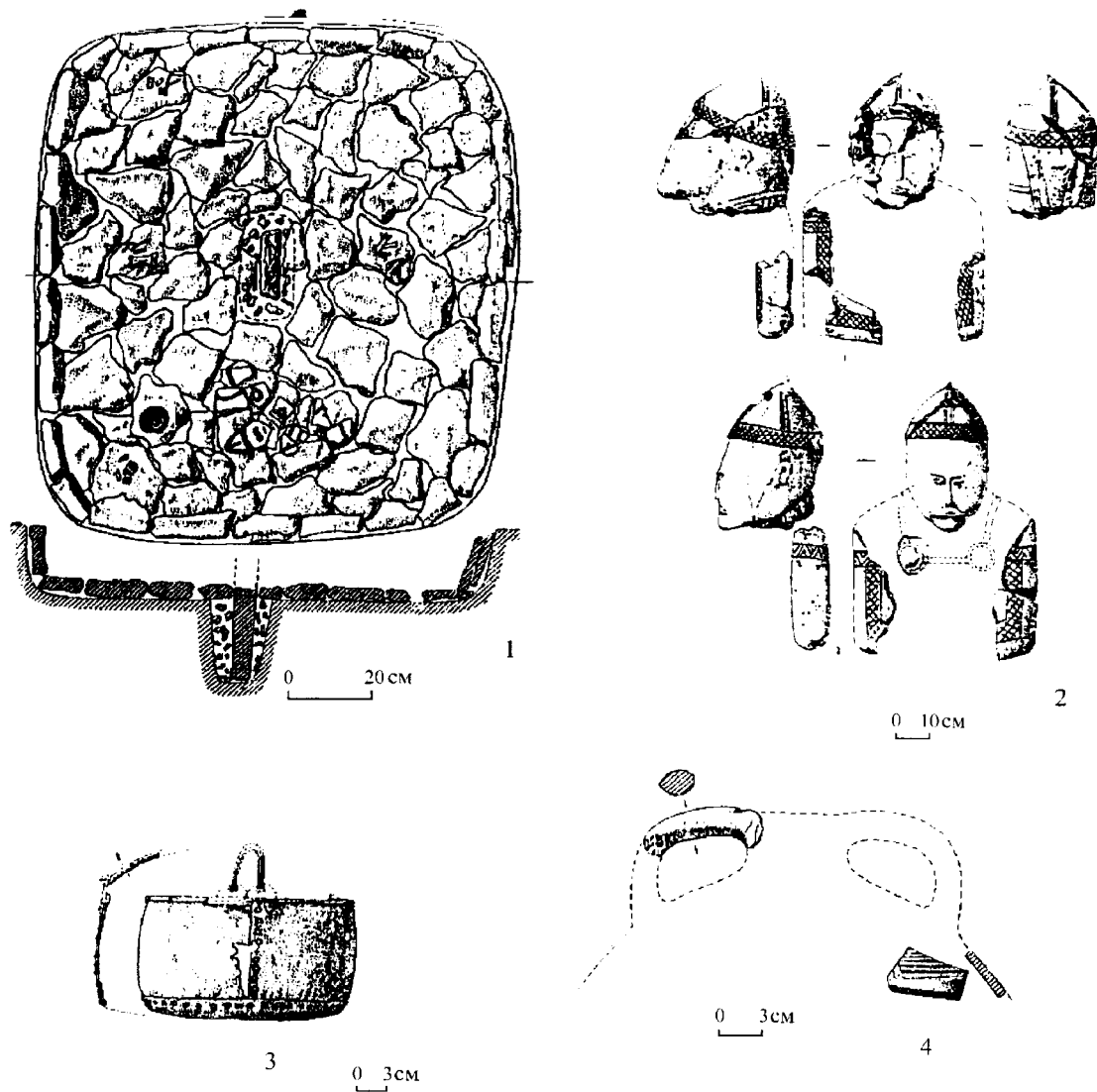

Рис. 10. Половецкое святилище Первомаевка-I, к.4 (Причерноморье) (рис. Г.Л.Евдокимова и Н.М.Куприй). 1 – святилище; 2 – фрагменты изваяний; 3 – бронзовый котел; 4 – фрагмент амфоры.

Fig. 10. Polovets sanctuary Pervomaevka-I, burial mound 4 (Black Sea Region) (drawing by G.L.Evdokimov and N.M.Kupria). 1 – Sanctuary; 2 – fragments of statues; 3 – bronze cauldron; 4 – fragment of amphora.

Abb. 10. Sanktuarium der Kumanen Pervomaevka-I, Kurgan 4 (Schwarzmeerraum) (Bd. von G.L. Jevdokimov und N.M. Kuprij). 1 – Sanktuarium; 2 – Bruchstücke der Steinbilder; 3 – Bronzekessel; 4 – eine Amphorascherbe.

Dess. 10. Sanctuaire poloveckien Pervomaevka-I, tumulus 4 du bord de la mer Noire (dessin de G.L.Evdokimov et de N.M.Kuprij). 1 – sanctuaire; 2 – fragments de statues; 3 – chaudron de bronze; 4 – fragment d'amphore

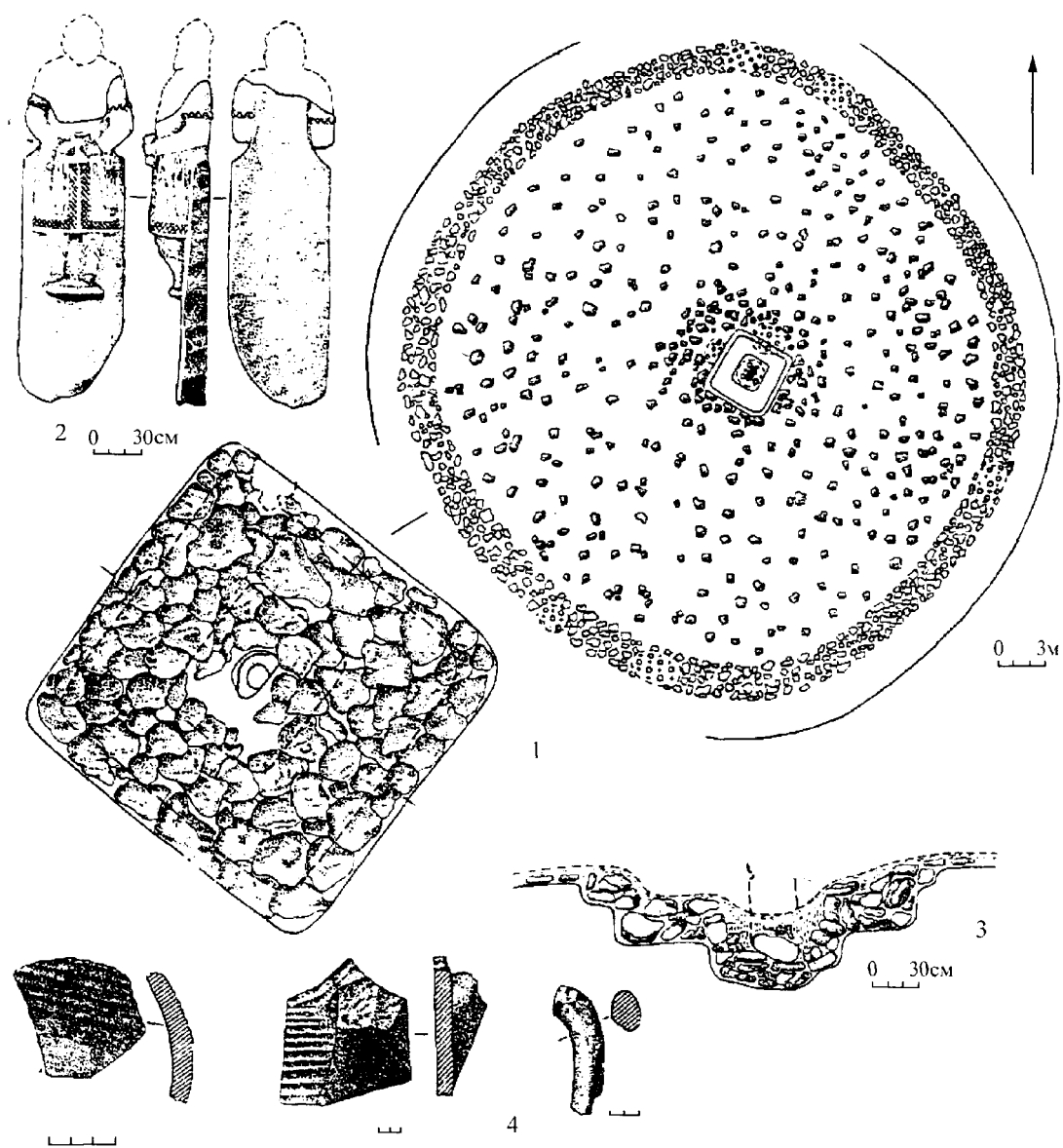

Рис. 11. Половецкое святилище Львово-II, к. 13 (Причерноморье) (рис. Г.Л.Евдокимова и Н.М.Куприй). 1 – святилище; 2 – каменное изваяние; 3 – разрез святилища; 4 – фрагменты керамики.

Fig. 11. Polovets sanctuary L'vovo-II, burial mound 13 (Black Sea Region) (drawings by G.L.Evdokimov and N.M.Kupria). 1 – sanctuary; 2 – stone statue; 3 – sanctuary section; 4 – fragments of ceramics.

Abb. 11. Sanktuarium der Kumanen Lvovo-II, Kurgan 13 (Schwarzmeerraum) (Bd. von G.L. Jevdokimov und N.M. Kuprij). 1 – Sanktuarium; 2 – Steinbild; 3 – Querschnitt des Sanktuariums; 4 – Keramikscherben.

Dess. 11. Sanctuaire poloveckien Lvovo-II, tumulus 13 du bord de la mer Noire (Dessin de G.L.Evdokimov et de N.M.Kuprij). 1 – sanctuaire; 2 – statue en pierre; 3 – section du sanctuaire; 4 – fragments de céramiques

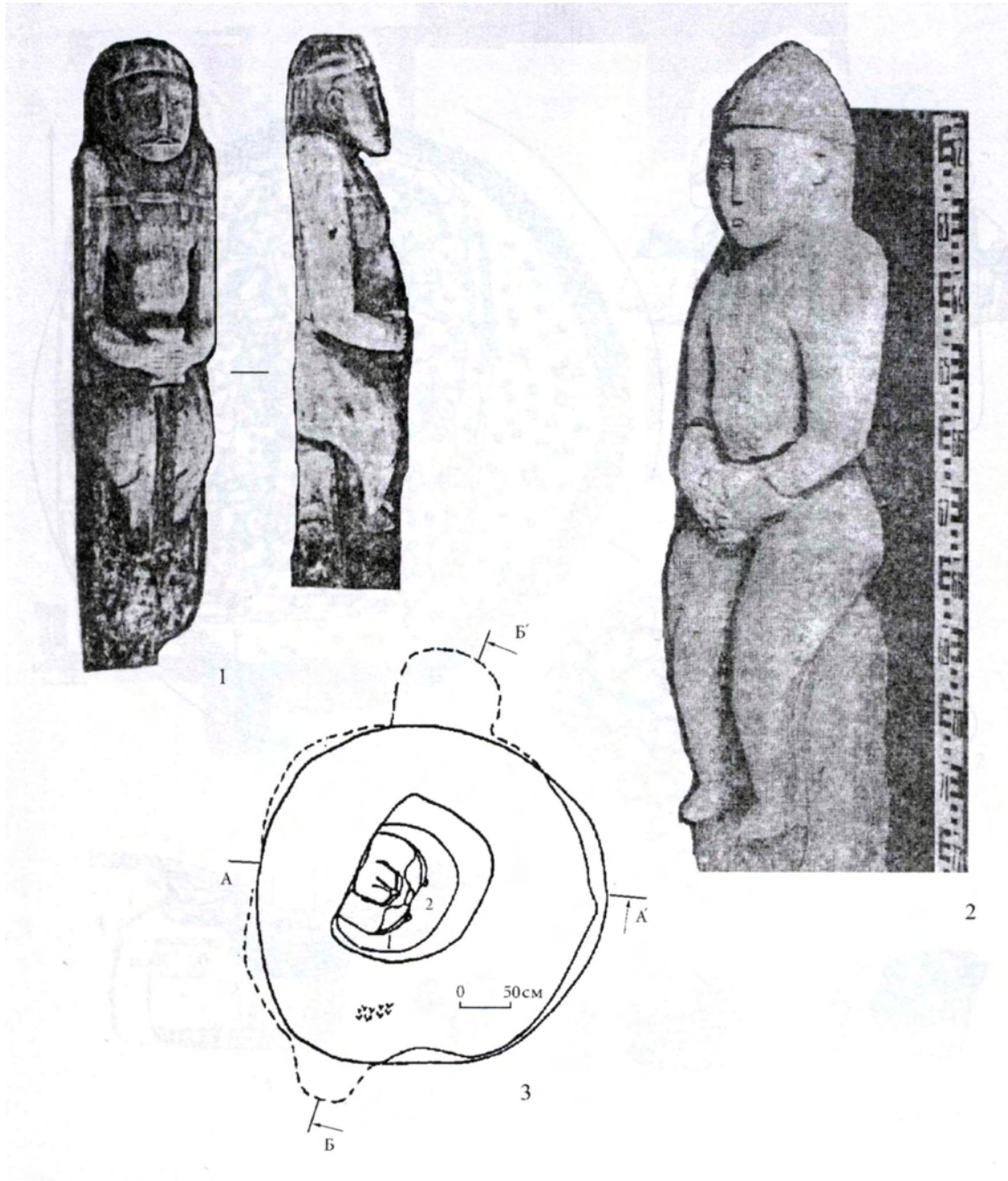
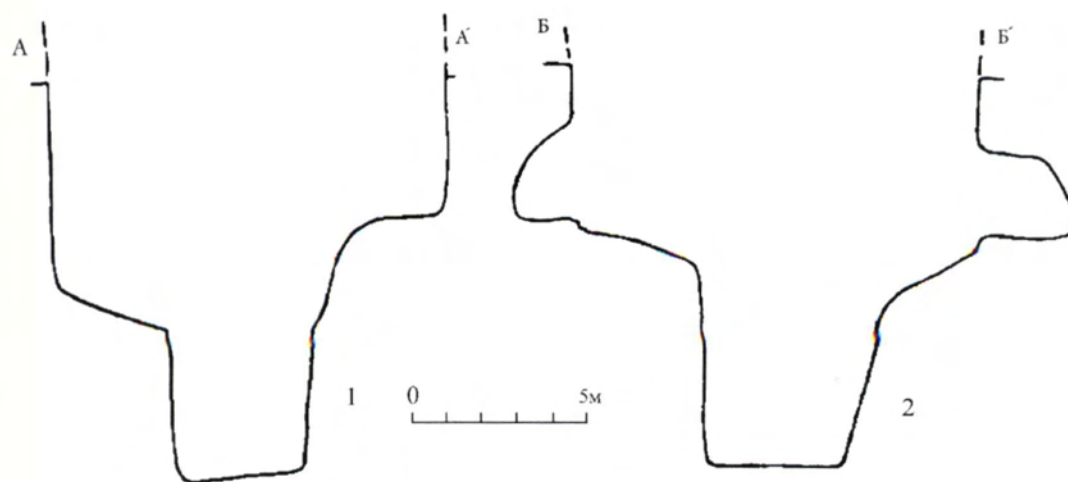

Fig. 12. Polovets antiquities from Stavropol region. 1 statue from excavations by T.V.Miroshina (Beshpagir); 2 statue from a sanctuary Chograj IX, burial mound 4 (according to A.G.Atavin and M. V.Andreeva); 3 sanctuary pit layout.

Abb. 12. Kumanen Denkmaler aus dem Gebiet Stavropol. 1 Steinbild aus den Ausgrabungen von T. W. Miroshina (Beschpagir); 2 Steinbild aus dem Sanktuarium Tschograj IX, Kurgan 4 (nach A.G. Atavin und M. V. Andreeva); 3 Grubenplan des Sanktuariums.

Dess. 12. Antiquites poloveckiennes du territoire de Stavropolje. 1 statue des fouilles de T.V.Mirvsina (Bespagir); 2 Statue du sanctuaire Cograj IX, tumulus 4 (d'apres A.G. Atavin et M. V.Andreeva); 3 plan de la fosse du sanctuaire

3

4

Fig. 13. Polovets sanctuary Chograj, burial mound 4 (Stavropol region). 1 2 section; 3 4 photo of the sanctuary (1 4 according to A.G. Atavin and M. V. Andreeva).
 Abb. 13. Sanktuarium der Kumanen Tschograj IX, Kurgan 4 (Gebiet Stawropol). 1 2 Querschnitte; 3 4 Foto des Sanktuariums (1 4 nach A.G. Atavin und M. V. Andreeva).
 Dess. 13. Sanctuaire poloveckien Cograj IX, t. 4 de Stavropolje. 1 2 sections; 3 4 cliché du sanctuaire (1 4 d'après A.G. Atavin et M. V. Andreeva)

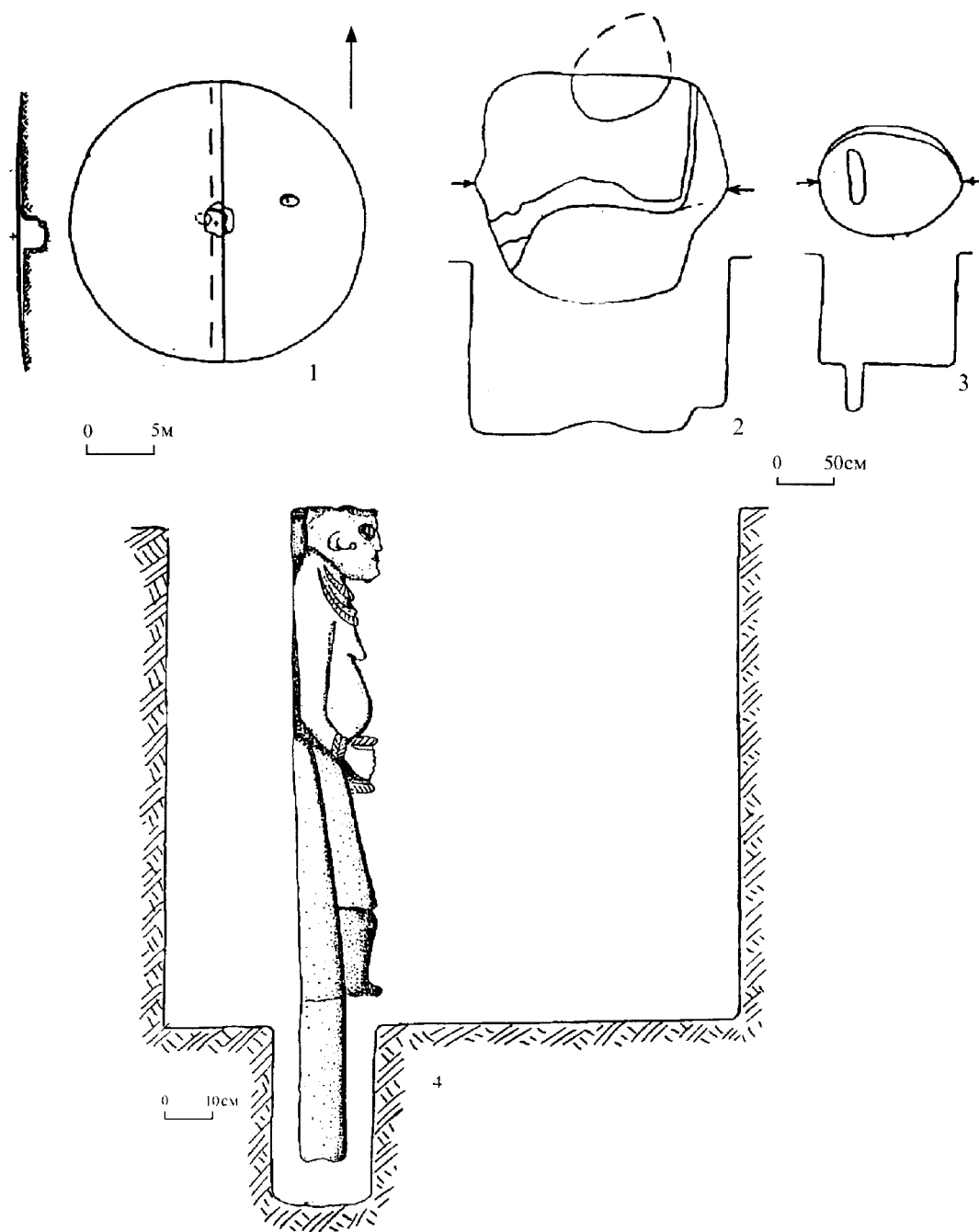

Рис. 14. Святилище Потайной-II, к.5. 1 – план и профиль кургана; 2-3 – планы и разрезы ям № 1 и № 2; 4 – реконструкция расположения изваяния в яме № 2 (1-4 – по С.В.Гуркину).

Fig. 14. Sanctuary Potajnoj-II, barrow 5. 1 – plan and cross section of the burial mound; 2-3 – plans and sections of pits № 1 and № 2; 4 – a statue position in pit № 2 (reconstruction) (1-4 – according to S.V.Gurkin)

Abb. 14. Sanktuarium Potajnoj-II, Kurgan 5. 1 – der Plan und das Profil des Hügelgrabs; 2-3 – Pläne und Durchschnitte der Gruben № 1 und № 2; 4 – Rekonstruktion der Skulpturlage in der Grube № 2 (1-4 – nach S.V.Gurkin).

Dess. 14. Sanctuaire du Potajnoj-II, t.5. 1 – plan et profil du tumulus; 2-3 – plans et sections des fosses 1 et 2; 4 – reconstruction de la disposition de la statue dans la fosse 2 (1-4 d'après S.V.Gurkin)

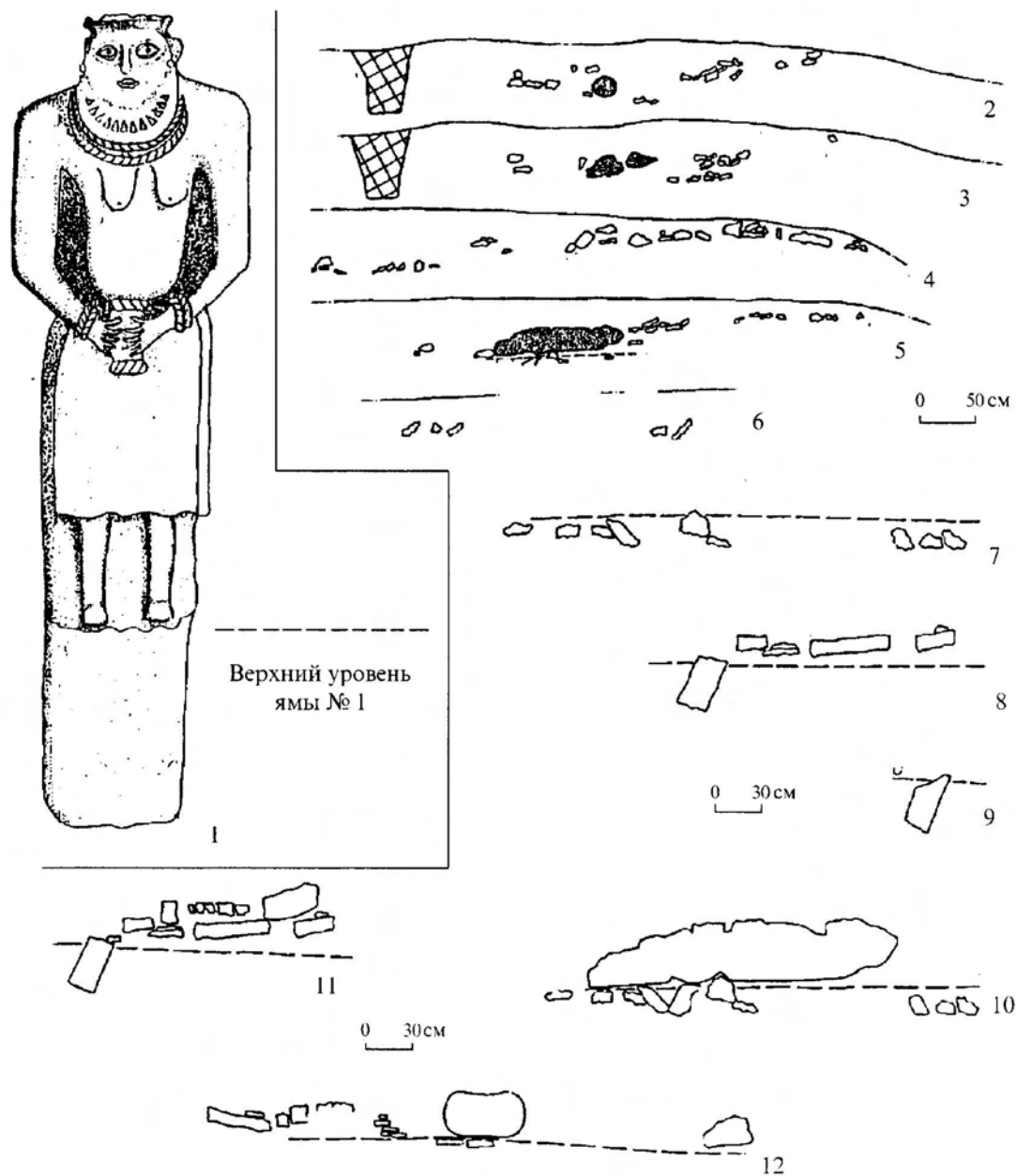

Рис. 15. Расположение изваяний в донских святилищах. 1 – реконструкция положения изваяния в яме № 1 святилища Потайной-II, к. 5.; 2-11 – ямы-котлованы из-под изваяний и расположение изваяний в святилище г. Ростова-на-Дону (по Ю.К. Гугуеву и С.В. Гуркину).

Fig. 15. Positions of statues in sanctuaries of the Don basin. 1 – reconstruction of a statue position in pit No 1 of the sanctuary Potainoj-II, burial mound 5; 2-11 – pits for “buried” statues and positions of the statues in the sanctuary on Rostov-on-Don territory (according to Y.K. Guguev and S.V. Gurkin).

Abb. 15. Lageplan der Steinbilder in den Sanktuarien des Donraumes. 1 – Rekonstruktion der Lage des Steinbildes in der Grube 1 des Sanktuariums Potajnoj-II, Kurgan 5; 2-11 – Steinbildgruben und Lage der Steinbilder im Sanktuarium von Rostow/Don (nach J.K. Gugujev und S.V. Gurkin).

Dess. 15. Emplacement des statues dans les sanctuaires du Don. 1 – reconstruction de l'emplacement de la statue dans la fosse 1 Potajnoj-II, tumulus 5; 2-11 – fosse-trou de statues et emplacement des statues dans le sanctuaire du territoire de la ville de Rostov-sur-le Don (d'après U.K. Guguëv et S.V. Gurkin).

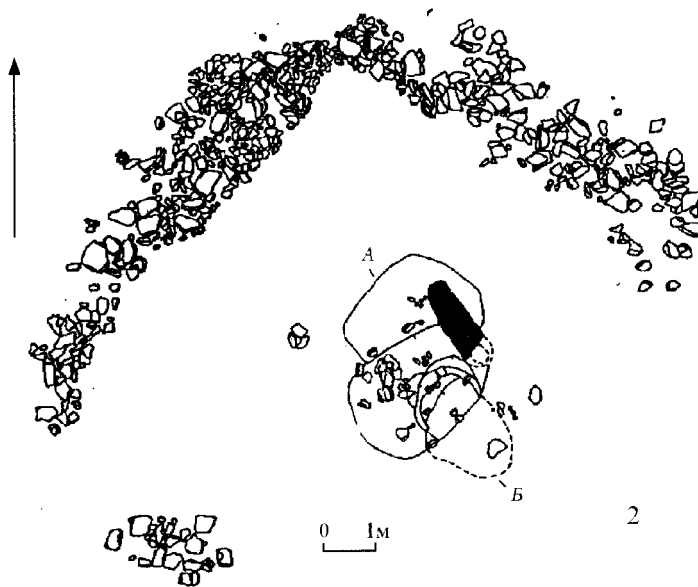
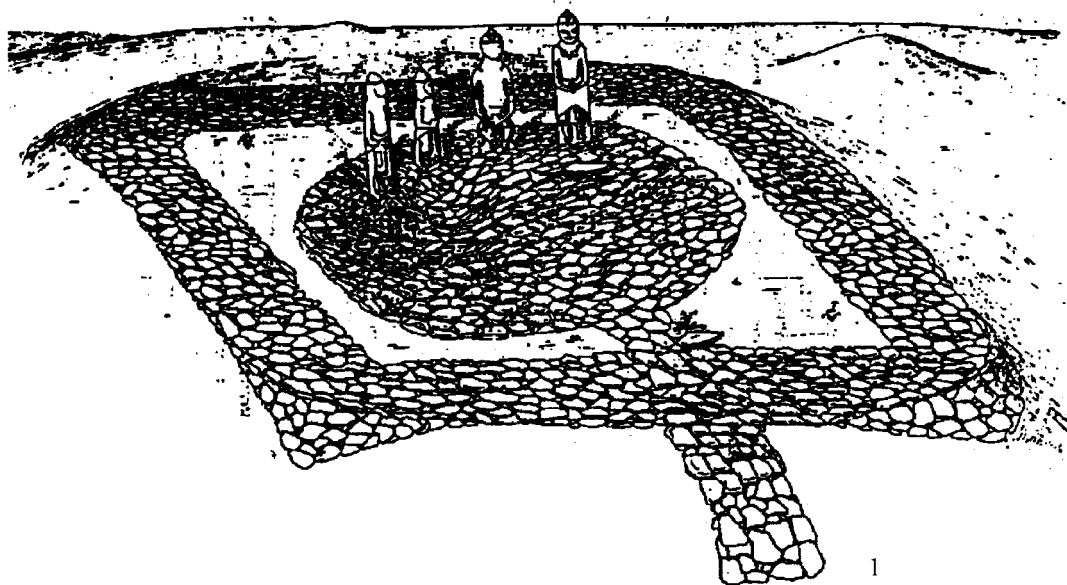

Рис. 16. Половецкие святилища г.Ростова-на-Дону. 1 – реконструкция внешнего вида святилища Ливенцовский-VII, к.2 (по Ю.К.Гугуеву и С.В. Гуркину); 2 – план святилища (по И.В.Волкову и П.А.Ларенок).

Fig. 16. Polovets sanctuaries in Rostov-on-Don. 1 – exterior of the sanctuary Liventsovskij-VII, burial mound 2 reconstructed (according to Y.K.Guguev and S.V.Gurkin); 2 – sanctuary layout (according to I.V.Volkov and P.A.Laryenok).

Abb. 16. Kumanen-Sanktuarium der Stadt Rostow/Don. 1 – Rekonstruktion des Aussehens des Sanktuariums Livenzowski-VII, Kurgan 2 (nach J.K. Gugujev und S.V. Gurkin); 2 – Lage des Sanktuariums (nach I.V. Volkov und P.A. Larenok).

Dess. 16. Sanctuaires poloveckiens de la banlieue de la ville de Rostov-sur-le Don. 1 – reconstruction de l'extérieur du sanctuaire Livencovskij-VII, tumulus 2 (d'après U.K.Guguêv et S.V.Gurkin); 2 – plan du sanctuaire (d'après I.V.Volkov et P.A.Larenok)

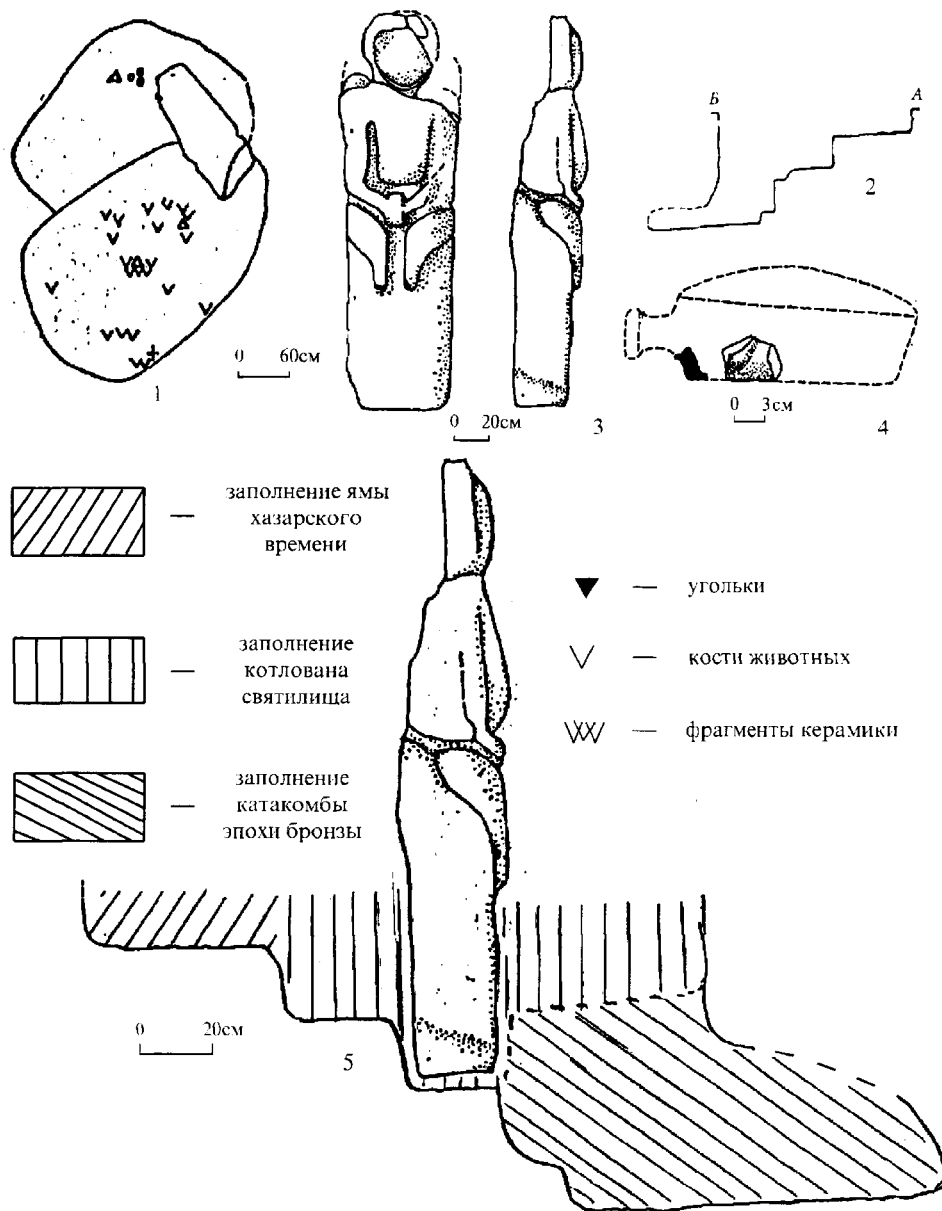

Рис. 17. Половецкое святилище из Ростова-на-Дону. Детали. 1 – план ям котлована святилища; 2 – разрез ямы; 3 – изваяние; 4 – фляжка хазарского времени (по И.В.Волкову и П.А.Ларенку); 5 – реконструкция первоначального расположения изваяния и перекрытие ям эпохи бронзы, хазарского времени и котлована святилища.

Fig. 17. Polovets sanctuary in Rostov-on-Don. Details. 1 – sanctuary pits layout; 2 – pit section; 3 – statue; 4 – flask of the Khazarian time (according to I.V.Volkov and P.A.Laryenok); 5 – reconstructions of a statue original position and pits' coverings of the Bronze Age, of the Khazarian time and of the sanctuary pit.

Abb. 17. Kumanen Sanktuarien der Stadt Rostow/Don. Einzelheiten. 1 – Ansicht der Grube Sanktuarien; 2 – Grubenschnitt; 3 – Steinbild; 4 – Feldflsche aus der Chasarenzeit (nach I.V. Volkov und P.A. Larenok); 5 – Rekonstruktion der ursprünglichen Lage des Steinbildes und Überschneidung der Gruben aus der Bronzezeit, aus der Chasarenzeit und der Grube des Sanktuariums.

Dess. 17. Sanctuaire poloveckien de Rostov-sur-le Don. Détails. 1 – plan de fosse-trou du sanctuaire; 2 – Section de la fosse; 3 – statue; 4 – gourde du temps des Khazars (d'après I.V.Volkov et P.A.Larenok); 5 – Reconstruction de l'emplacement initial de la statue et couverture des fosses à l'époque de bronze des temps des Khazars et du trou du sanctuaire

автор Ал-Омари. В частности, он, как современник и очевидец тех событий, отмечал: “В древности это государство (т.е. Дешт-и Кипчак – Е.Н.) было страной кипчаков. Но, когда им завладели татары, то кипчаки оказались их *подданными* (здесь и далее выделено нами. – Е.Н.). Потом они (татары) *смешались и перероднились* с ними (Чингизидами), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки или *одного с ними рода...*” (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.236).

Эта общеизвестная цитата арабского автора по-прежнему подкрепляется и археологическими наблюдениями. В частности, раскопки и параллельное антропологическое изучение погребенных на мусульманских некрополях золотоордынских городов демонстрирует то, что первое время Чингизиды держались этнически замкнуто (Яблонский Л.Т., 1980, с.142-227). К XIV в. ситуация меняется заметно: на археологическом и антропологическом материале хорошо прослеживается процесс межэтнической миксации пришлых из Центральной Азии, Сибири и Алтая племен с представителями традиционных для домонгольской Восточной Европы групп населения, включая и половцев (Яблонский Л.Т., 1980, с.3-18; 1983, с.220-228; 1987, с.142-220). Этнические особенности, в том числе и характерные черты традиционного погребального обряда, при этом нивелируются и не только за счет смешения, но и в результате исламизации. Последний процесс охватывает не только золотоор-

дынское Поволжье, Северный Кавказ и Подонье (Яблонский Л.Т., 1980, с.3-18; Нарожный Е.И., 1989, с.159-172). Его характерные черты ныне зафиксированы и в центре Монгольской Империи – г.Каракоруме (Войтов В.Е., 1999, с.91-129). На этом фоне включение половцев в активную внутреннюю жизнь и политику золотоордынского государства, вероятнее всего, и повлекло за собой интересующие нас изменения в традиционных языческих культах и обрядах, среди которых был и культ первопредка. В результате в половецких степях, ставших составными административными территориями Золотой Орды, в XIV в. получил распространение обряд сокрытия святилищ и стоявших на них изваяний, заставляя половецкую элиту отдавать последние почести этим первопредкам. Новые религиозные каноны, принципиально новая социокультурная обстановка, а самое главное – активная межэтническая миксация давали для того необходимые основания. Да и половцы к XIV в., вероятно, представляли собой далеко не тот самый исходный этнический массив, каким он был в предмонгольскую эпоху. Погребальные памятники XIV в., а также и нач.XV в. – тому подтверждение.

Мы еще раз подчеркнем то, что предложенный анализ половецких святилищ не претендует на какие-то окончательные выводы. Уточнение проблем, затронутых в данной статье, требует новых археологических материалов, а также коллективного обсуждения.

Литература и архивные материалы

- Аствацатурян Э., 1985. Оружие народов Кавказа. М.
- Анфимов И.Н., 1996. Новые находки погребений кочевников XII-XIII веков в Восточном Приазовье// Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. Керчь.
- Атавин А.Г., Андреева М.В., 1998. Половецкое святилище из Ставрополя// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Т.1. Ставрополь.
- Ахундов И.В., 1995. Плетни из могильника у с.Кораблино// Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Батчаев В.М., 1980. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии// Археология и древняя история Кабардино-Балкарии. Вып.1. Нальчик.
- Батчаев В.М., 1986. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Батчаев В.М., 1997. Центральный Кавказ в XIII-XV вв.// Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой. Тез. докл. Ставрополь.
- Баяр Д., 1985. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака Восточной Монголии// Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000. Позднекочевнический могильник XIII-XIV вв. Козинка-1 на Маныче// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов.
- Беспалый Е.И., 1985. Работы Приморского отряда// АО 1983 г. М.
- Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск.
- Бородовский А.П., 1993. Плетни и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири// Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1989. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII-XIV вв.// Научная конференция: “Средневековые города и городская жизнь Кавказа

- (В свете археологических данных)". Аннотация. Тбилиси.
- Войтов В.Е.**, 1999. "Усыпальница 1" – некрополь мусульман Каракорума// Материальная культура Востока. М.
- Волков И.В.**, 1985. Охранные раскопки в Ростове-на-Дону// АО 1983 г. М.
- Волков И.В., Ларенок П.А.**, 1988. Половецкое святилище на Нижнем Дону// Вестник МГУ. История. № 1.
- Гераськова Л.С.**, 1982. Классификация скульптуры средневековых кочевников евразийских степей// Новые методы археологических исследований. К.
- Гераськова Л.С.**, 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.
- Горбенко А.А., Кореняко В.А., Максименко В.Е.**, 1975. Кочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка// СА. № 1.
- Горелик М.В.**, 1982. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV-XV вв.// Mittelalterische Malerei im Orient. Halle (Saale).
- Горелик М.В., Дорофеев В.В.**, 1990. Погребение золотоордынского воина у с.Таборовка// Проблемы военной истории народов Востока. Вып.2. Л.
- Гугуев Ю.К., Гуркин С.В.**, 1992. Половецкое святилище середины XI – начала XIII в. на Правобережье Дона// Донские древности. Вып.1. Азов.
- Гуркин С.В.**, 1987. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону// СА. № 4.
- Гуркин С.В.**, 1991. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып.10. Азов.
- Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.**, 1989. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По материалам раскопок Шуанского некрополя)// Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.**, 1990. Полуподземные склепы Келийского могильника (По материалам охранных археологических раскопок 1987 г.)// Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Деревянко Е.И.**, 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
- Джиоев М.К.**, 1982. Алания в XIII-XV в.// Дис. ... канд. ист. наук 07. 00.02. История. М.
- Добролюбский А.О.**, 1988. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М.**, 2000. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских кочевников развитого средневековья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Євдокимов Г.Л., Купрій Н.М.**, 1991. Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я XI-XIII ст.// Золото Степу. Шлезвіг.
- Закирова И.А.**, 1988. Косторезное дело Болгара// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Зеленский Ю.В.**, 1997. Половцы в Прикубанье-Закубанье// Древности Кубани. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1997а. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья// Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир – Москва.
- Зеленский Ю.В.**, 1998. Предкавказские половцы// Древности Кубани. Вып.3. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1998а. Половецкие погребения из Прикубанья-Закубанья// Древности Кубани. Вып.6. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1998б. Шлемы из половецких погребений Прикубанья// Древности Кубани. Вып.9. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1998в. Половцы на Кубани// Древности Кубани. Вып.10. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1998г. К вопросу о времени появления половцев в Предкавказье// Древности Кубани. Вып.11. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1998д. Предметы упряжи из половецких погребений Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.12. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1998е. Типология сопроводительного инвентаря половецких погребений Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.13. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1999. К вопросу об этнической принадлежности погребений XII-XIII вв. из Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.14. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 1999а. Хронология половецких погребений из Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.15. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 2000. Погребальный обряд у половцев Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.16. Краснодар.
- Зеленский Ю.В.**, 2000а. Половецкие погребения с оружием из Степного Прикубанья и Восточного Закубанья// XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск.
- Зиливинская Э.Д.**, 1998. Мечети Золотой Орды// Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.

- Иванов В.А., Кригер В.А., 1988.** Курганы кипчакского времени на Южном Урале. М.
- Илюков Л.С., Казакова Л.М., 1988.** Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону.
- Кирпичников А.Н., 1980.** Оружие времени Куликовской битвы// Вестник АН СССР. № 8. М.
- Князький И.Ю., 1996.** Русь и Орда. М.
- Корневский С.Н., Андреева М.В., Ульянова С.А., 1998.** Раскопки Северокавказской экспедиции// АО 1985 г. М.
- Крамаровский М.Г., 1995.** Монгольская золотая пластинка из коллекции Халаили// Эрмитажные чтения 1986-1994 гг. памяти В.Г.Луконина. СПб.
- Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000.** Половецкие изваяния Среднего Подонковья: типология, эволюция, хронология// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Кузнецов В.А., 1980.** Тюркские изваяния из Пятигорья// Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып.1. Нальчик.
- Кузнецов В.А., 1993.** Нижний Архыз в X-XII вв. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь.
- Культура Биляра.** Орудия труда и оружие X-XIII вв., 1985. М.
- Ларенок В.А., 1991.** Позднекочевнический могильник на р.Сал// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып.10. Азов.
- Ларенок В.А., 1992.** Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х.Семенкин// Донские древности. Вып.1. Азов.
- Лугова Л.М., 1998.** Нові поховання пізніх кочівників із середньодніпровського лівобережжя// Археологічний вісник Лівобережної України. Ч.1-2. Полтава.
- Майдар Д., 1981.** Памятники истории и культуры Монголии. М.
- Малахов С.Н., 1997.** Алано-византийские заметки (II)// Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир – Москва.
- Малиновская И.В., 1974.** Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей// Города Поволжья в средние века. М.
- Мамонтов В.И., 1992.** Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
- Марченко И.И., Тургиев Т.Б., 1980.** Грунтовый могильник у с.Дзаурикау// Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, 1960.** Нальчик.
- Минаева Т.М., 1964.** К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным// Материалы для изучения истории Ставропольского края. Ставрополь.
- Мирошина Т.В., 1985.** Раскопки курганов у с.Бешпагир// АО 1983 г. М.
- Мыськов Е.П., 1993.** Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе// Древности Волго-Донских степей. Вып.3. Волгоград.
- Навротский Н.И., Нарожный Е.И., 1993.** Половецкие каменные изваяния Среднего Прикубанья// К изучению историко-культурного прошлого Прикубанья. Армавир.
- Навротский Н.И., 1996.** Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея// Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир – Москва.
- Нарожный Е.И., 1989.** О роли христианства в системе Хулагуидо-Джучидских взаимоотношений в Предкавказской зоне// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону.
- Нарожный Е.И., 1989а.** К этно-социальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских некрополей Золотой Орды)// Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Нарожный Е.И., 1996.** Несколько деревянных изделий XIII-XIV вв. с территории Северо-Восточного Кавказа// Вопросы северо-кавказской истории. Вып.1. Армавир.
- Нарожный Е.И., 1998.** Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого – историческое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук 06.00.07. Археология. Воронеж.
- Нарожный Е.И., 2000.** К этнокультурной принадлежности некоторых позднекочевнических древностей XII-XIV вв. Северного Кавказа// XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Плетнева С.А., 1958.** Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях// МИА № 62.
- Плетнева С.А., 1974.** Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
- Плетнева С.А., 1981.** Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневеко-

- вья. М.
- Плетнева С.А.**, 1996. Об армавирской коллекции каменных изваяний// Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир – Москва.
- Полякова Г.Ф.**, 1980. О времени появления зеркал аланской группы на территории Волжской Булгарии// Тр. ГИМ. Вып.51. История и культура Евразии по археологическим данным. М.
- Путешествие в восточные страны П.Карпини и Г.Рубрука**, 1957. М.
- Пьянков А.В., Зеленский Ю.В.**, 1994. Позднекочевническое погребение из Восточного Прикубанья// Прочнокопский историко-культурный многоугольник. Армавир.
- Пьянков А.В., Хачатурова Е.А.**, 1996. Погребение половчанки из Степного Прикубанья// Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир – Москва.
- Савенко С.Н.**, 1985. Хронологические особенности зеркал X-XIII вв. Центрального Предкавказья// Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Тарабанов В.А.**, 1991. Половецкие каменные изваяния Краснодарского краеведческого музея// Древности Кубани. Краснодар.
- Тизенгаузен В.Г.**, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб.
- Умаров С.Ц.**, 1970. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII-XVIII вв.// Дис. ... канд. ист. наук 07.00.06. Археология. М.
- Федоров Я.А.**, 1973. Половецкое наследство в Приэльбрусье// Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С.**, 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Фелицин Е.Д.**, 1892. Археологическая карта Кубанской области. М.
- Чаккиев Д.Ю.**, 1987. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов// Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Чаккиев Д.Ю., Нарожный Е.И.**, 1984. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии// Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н.**, 1987. Гривны в погребениях средневековых кочевников// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепрпетровск.
- Швецов М.Л.**, 1979. Половецкие святилища// СА. № 1.
- Яблонский Л.Т.**, 1980. Население средневековых городов Поволжья (По материалам мусульманских могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1983. Социально-этнические взаимоотношения в золотоордынском городе (По материалам могильников)// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
- Яблонский Л.Т.**, 1987. Социально-этническая структура золотоордынского города по материалам археологии и антропологии (Монголы в средневековых городах Поволжья)// Герасимова М.М, Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Яворская Л.В.**, 1999. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (Опыт статистической обработки)// Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья (Научные Школы Волгоградского государственного университета). Волгоград.
- Boeheim W.**, 1985. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig (Репринт 1890 г.)

Summary

E.I.Narozhnyj (ArmaVir, Russia)

On Polovets Statues and Sanctuaries of XIII-XIV cc.: the North Caucasus and Don Areas

Having the information from the digs of the Polovets sanctuaries in the North Caucasus and Don areas, it can be stated that certain statues were purposefully buried (hidden) into the pits prepared in the earth beforehand. Others were thrown down and put horizontally, with their heads to the east or with some deviation to the west. In the latter case parallels with the Polovets burial rituals can be traced. Thus, hiding the statues by the Polovets who thought them to be the symbol of the ancestors is regarded as a conscious process. The reasons for that are partially explained by the Arabian author of XIV c Al-Omari who spoke about the process of assimilation of the

Polovets and Mongols in XIV c. It was the time of active islamisation in the Golden Horde which influenced the Polovets making them gradually reject their pagan cults in the new conditions. That caused the necessity of ritual burials of their not long ago admired statues.

Along with the attempts to determine the time of breaking the tradition of building sanctuaries and placing statues in them by the Polovets, some artifacts pictured on the statues are being considered in the article. Their numerous analogues from nomadic burial rites of XIII-XIV cc make it possible to believe that, after including the Polovets in the system of the Golden Horde, this tradition had existed up to XIV c.

Je.I. Naroshnij (Armavir, Russland)

Abgötter der Kumanen und Tempel aus dem 13. und 14. Jh. im Nordkaukasus und im Donraum

Auf die Ausgrabungsdaten der kumanischen Tempel von Nordkaukasus und Don stützend, kann man feststellen, dass einige der Statuen speziell in die Erde eingegraben, d.h. in einer eigens dafür ausgeschachtete Grube versenkt wurden. Die anderen wurden waagrecht, Kopf gegen Osten oder abweichend auch gegen Westen, auf die Erde gelegt. Im letzteren Fall sind Parallelen bei den für die kumanischen Beerdigungen kennzeichnenden Ritualen feststellbar. Dadurch scheint die Versenkung der Steingötzen bei den Kumanen, die als Symbol des Ahnenkults aufgefasst wurden, ein bewusst ausgeführter Vorgang gewesen zu sein. Deren Ursachen werden teilweise von al Omari, dem arabischen Schriftsteller aus dem 14. Jh. erklärt. Er berichtet über den Prozess der Vermischung von Kumanen und Mongolen im 14. Jh. Dieser Vorgang fiel in die Zeit, wo sich in der Goldenen Horde die Islamisierung intensiv verbreitete. Die Islamisierung erfasste wahrscheinlich auch die Kumanen, und zwang sie in der veränderten Lage die früheren heidnischen Kulte aufzugeben und die noch vor kurzem angebeteten Idole ritualmäßig zu beerdigen.

Als Versuch, die Endzeit Tradition des Tempelbaus und der Aufstellung von Steingötzen bei den Kumanen zu bestimmen, werden einige der Haushaltsgegenstände, die an den Idolen dargestellt sind, im vorliegenden Beitrag betrachtet. Ihre zahlreiche Entsprechungen aus den Nomadenbeerdigungen des 13. und 14. Jh. lassen annehmen, dass auch nach dem Einschluss der Kumanen ins System der Goldenen Horde diese Tradition bis zum 14. Jh. bestanden hat.

E.I.Narožny (Armavir, Russie)

Des sculptures et des sanctuaires des Polovec aux XIII-XIV siècles du Caucase du Nord et du Don

En s'appuyant sur les données des fouilles des sanctuaires du Caucase du Nord et du Don on peut constater le fait que certaines statues ont été enterrées spécialement au dedans de la fosse préparée pour cela. Des autres ont été renversé et placé sur terre horizontalement tête à l'Est avec un petit écart à l'Ouest. On peut voir dans le dernier des parallèles des rituels propres pour des tombeaux des Polovec. D'après cela nous comprenons la dissimulation des sculptures chez les Polovec comme le processus conscient. Un auteur arabe du XIV siècle AL-Omarie expliquait des causes de cela en nous annonçant du procédé de mélange des Polovec et des Mongols au XIV siècle. A ce temps-là quand le procédé de l'Islamis, e se répandit activement dans le Horde d'Or qui influa sur les Polovec en les forçant refuser peu à peu des cultes païens. Cela fit la nécessité de l'enterrement rituel des sculptures qu'on considérait récemment come.

En essayant de déterminer le temps de l'achèvement chez les Polovec la tradition de construire des sanctuaires et d'installer des sculptures sur eux on étudie quelques objets de vie représentées sur des statues. Une grande quantité des analogues des tombeaux des nomades des XIII-XIV siècles font penser qu'après l'union des Polovec avec le système du Horde d'Or cette tradition a existé jusqu'au XIV siècle.

Статья поступила в редакцию в январе 2002 г.